

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ь Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

СЕДЬМАЯ КАЗНЬ

Ольга Володарская

Седьмая казнь

«ЭКСМО»

2013

Володарская О. Г.

Седьмая казнь / О. Г. Володарская — «Эксмо», 2013

Дом был слишком велик для нее одной, но Клавдия жила в нем, потому что его построил ее сын... Сын, погибший за три дня до свадьбы. Спасаясь от одиночества, Клавдия окружила себя друзьями. И со всеми ними она обсуждала свою смерть. Она не боялась ее, но и не торопила. Клавдия планировала умереть лет через пять от сердечного приступа, но она скончалась гораздо раньше. Ее убил кто-то из тех, кем она себя окружила, чтобы не сойти с ума... Кто это сделал? Лучшая подруга? Несостоявшаяся сноха? Старый поклонник, так и не добившийся взаимности? Единственная родственница, мечтающая стать наследницей? Или ей отомстил человек, копивший обиду долгие годы и о котором Клавдия давно забыла?..

© Володарская О. Г., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	32
Часть вторая	38
Глава 1	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ольга Володарская

Седьмая казнь

Пролог

Этот дом был слишком велик для нее, одинокой старухи.

Три этажа, включая цокольный, где располагались сауна и бассейн. Девять комнат, четыре ванные, зимний сад и терраса размером со школьный спортзал. В нем могла бы обитать семья из десяти человек, начиная с прабабки и заканчивая ее правнуком-грудничком. Клавдия же была единственной его хозяйкой!

Дом построил ее сын Рома. Он мечтал о большой семье и собирался ее завести. Уже и девушку на роль жены выбрал. И предложение ей сделал. И согласие получил. И свадьба их должна была вот-вот состояться. Но произошло страшное – Рома погиб. Разбился на машине, когда ехал в свой новый загородный дом, чтобы проверить, все ли там готово. Молодые собирались заселиться в него сразу после свадьбы – провести брачную ночь и несколько дней медового месяца. Сам Рома хотел остаться на весь месяц, поскольку не любил путешествия и боялся летать, однако его невеста мечтала о романтических Мальдивах, и он купил путевку, собираясь вручить ее жене сразу после свадьбы. Рома любил делать сюрпризы!

Свадьба не состоялась. Как и поездка к океану. А дом, возведенный для большой семьи, стал обителью одинокой старухи.

Чтобы не сойти в нем с ума, Клавдия пригласила пожить вместе с собой Ромину невесту и свою близкую подругу. Но даже для троих особняк был слишком велик. Знакомые ей говорили: продай его. Зачем тебе такие хоромы? На их содержание уходит слишком много денег. Но она не желала этого делать. Рома столько души вложил в этот дом, что стены, казалось, пропитались его энергетикой. Здесь Клавдия иногда чувствовала незримое присутствие сына. Особенно в первую неделю после похорон. А когда вдруг, ни с того ни сего, открывалась дверь, или падала какая-то вещь, или тюлевые занавески подрагивали, будто от ветра, Клава думала – Рома по дому ходит.

Она хорошо помнила, как сын впервые привез ее в особняк, тогда еще строившийся. Вошли внутрь, и Рома принялся водить мать по комнатам, пока без окон и дверей, и захлеб рассказывать, какими их видит. Говорил, останавливаясь то у одного проема, то у другого:

– Вот тут будет столовая. Просторная, чтоб в центре ее поместился огро-о-омный стол, за которым можно будет собрать всю большую семью. А здесь детская. Для мальчика или мальчиков. Со спортивной стенкой и большой железной дорожкой в углу. А девчачья спальня будет находиться вот здесь. Потому что вид из окна чудесный. Я так и представляю, как моя дочь стоит по весне у окна и смотрит на цветущую черемуху. Видишь, мама, те деревья за нашим забором? Это как раз черемуха...

– Да подожди ты с детскими! – одергивала его Клавдия. – Может, у вас еще не получится завести ребятишек.

– Свои не получатся, чужих усыновим. Я хочу, чтоб мой дом наполнился детскими головами.

Однако дом наполнился не ими, а горьким плачем Клавдии. Невеста Ромы, конечно, тоже горевала, только что такое ее боль по сравнению с материнской... Мужа молодая женщина себе еще найдет, а другого сына у Клавдии уже не будет.

После гибели Романа ее каждый день посещали мысли о смерти. Но Клавдия не мечтала о ней, просто много думала. И очень часто представляла. Пожалуй, это стало главным развлечением несчастной матери. Клавдия продумала все до мельчайших деталей. То, как она умрет.

В каком гробу она будет лежать. А после – под каким памятником. Хотелось светлый, гранитный. И чтоб на нем был высечен определенный портрет. На нем она очаровательна, задорна, в шляпке с пышной розой. Такой ее сфотографировал Рома, когда они отдыхали в Ялте, и этот снимок стал их любимым.

А умереть Клавдия «планировала» от сердечного приступа. После бокала хорошего вина и сигаретки почувствовать боль в груди, зажмуриться и – умереть. Но не раньше, чем через пять лет. Пока она чувствовала себя еще полной сил. Вот только сегодня что-то расклеилась. И физическое состояние оставляло желать лучшего, и моральное. Давление скакало весь день, а на душе тяжело было.

И мысли какие-то нехорошие. Мысли, мысли, мысли...

И все так раздражали!

Клавдия очень боялась умереть во сне. Почему? Она не знала. Другие люди только об этом и мечтают, а ей казалось страшным шагнуть из одного небытия в другое. Поэтому сегодня не хотелось лежать в кровати. Сидела в гостиной у потухшего камина и в очередной раз прокручивала в уме сценарий своих похорон.

Надо будет сказать подруге, чтоб гвоздик на могилу не клали. Не люблю я их!

Тут Клавдия услышала шорох. Сначала подумала, что это Рома ходит... его дух...

Но нет, по дому бродил живой человек. До слуха женщины донеслось его дыхание.

Через несколько секунд она увидела и его самого... еще не зная о том, что перед ней тот, кто этой ночью лишит ее жизни.

Часть первая

За несколько часов до...

Глава 1

Клавдии нездоровилось с самого утра. Скакало давление, а из-за этого болела голова.

Проклиная старость, она от нечего делать щелкала кнопками пульта. Пролистав сорок каналов, но так и не найдя ничего для себя интересного, выключила телевизор. Ну его, только раздражает!

Кряхтя, Клавдия поднялась с дивана. Время было еще не позднее, девять часов вечера. Спать женщина почти всегда ложилась в одиннадцать, и уже выработался режим. Так что Клаве нужно было как-то убить два часа. Если б не давление, она сходила бы в сауну. Или посидела бы у камина с бокалом красного вина и книгой. Но все это исключалось, поэтому Клавдия решила просто немного погулять по саду.

Она выглянула в окно – ветки деревьев гнул ветер. Значит, надо теплее одеться.

Клавдия достала из шкафа спортивный костюм, облачилась в него и пошла к двери.

Тут раздался звонок мобильного телефона. Женщина взяла трубку, посмотрела на экран, но без очков не смогла рассмотреть ни цифр, ни букв.

– Алло, – сказала она, поднеся сотовый к уху и нажав на кнопку приема вызова.

– Добрый вечер, Клавочка. Как ты?

Звонил Артур, ее давний друг.

– Добрый. Все хорошо, – скупно ответила она. Скупно, потому что обиделась на Артура за то, что тот не так давно отругал ее за курение. А ведь сигаретку она себе не так уж и часто позволяла.

– Плохо себя чувствуешь? – как-то сразу определил приятель.

– Давление скачет, – не стала обманывать Клавдия. – Из-за погоды, наверное.

– Я сейчас приеду! – выпалил Артур.

– Зачем? Чтобы опять прочитать мне лекцию о вреде курения?

– Понаблюдаю за тобой, я все-таки врач.

«Ну да, гинеколог», – усмехнулась про себя Клавдия. А вслух сказала:

– Я не при смерти, Артур. Нечего за мной наблюдать.

– Не хочешь меня видеть? Все дуешься?

– Уже нет. – Она и вправду перестала на него обижаться. Как можно дуться на человека, проявляющего о тебе такую заботу? – Если хочешь, приезжай. Только не как доктор, а как друг. Тем более что завтра, если ты не забыл...

– Нет, нет, Клавочка, конечно же, я помню про праздник. Собирался завтра утром приехать, но буду сегодня. Уже развернул машину. Так что жди.

– Жду.

И отсоединилась. Но едва она положила телефон на тумбочку, как тот вновь запиликал. Клавдия подумала, что это Артур забыл ей сказать еще что-то, но звонил ей не он.

– Здравствуй, – услышала она приятный баритон Сергея, еще одного своего друга и... и не только...

– Привет.

– Ты дома?

– А где мне еще быть в такое время и в такую погоду?

– Я сейчас в соседнем поселке. Хочу заскочить, поздороваться, давно не виделись.

– Приезжай, конечно. Буду очень рада тебя видеть.

– Тогда до скорой встречи. Чао.

Это была его привычка – заканчивать телефонные разговоры и прощаться итальянским «чао». Клавдию она немного раздражала. Но Сергей обожал Италию, часто там бывал, и растреклятое «чао» прицепилось к нему, как слово-паразит. Приходилось мириться.

Поговорив с Сережей, Клавдия вернулась к шкафу и переоделась. Негоже перед мужчинами в спортивном костюме предстать. Гораздо лучше она будет выглядеть в мягких домашних брюках и кофточке из тонкого кашемира. И подкраситься надо немного. Глазки нарисовать.

Клавдия опустилась на пуфик перед туалетным столиком, достала косметичку. В ней лежало только три предмета: подводка, тушь и персиковая помада. Всю свою жизнь Клава пользовалась лишь ими. Ни теней, ни румян, ни пудры не признавала. И с цветом помады не экспериментировала. Знала: ей идет только персиковый.

Двумя уверенными движениями Клавдия прочертила линии на веках. Затем взялась за тушь. Поднесла кисточку к глазу, но рука застыла в сантиметре от ресниц...

На столике стояла фотография сына, взгляд Клавдии упал на нее, и сердце защемило.

Ромочка... Ее позднее женское счастье!

Клавдия до тридцати не задумывалась о детях. Была вся в страстях. Влюблялась, как кошка. Всегда безответно. Выбирала самых недоступных. Зачастую женатых. Но как только добивалась взаимности, теряла к избранникам интерес. Она была очень собою хороша в молодости. Кучерявая, улыбчивая, с ямочками на щеках, с точеными ножками и талией пятьдесят пять сантиметров. Она танцевала в кордебалете. Была на виду. Ее часто приглашали в шумные компании, где Клава и знакомилась со своими будущими мужчинами. За год у нее случилось пять-шесть романов. В каждого из своих избранников она бывала искренне влюблена. Но ни с одним не дошла до загса.

Так и порхала без малого десять лет. Но вот ей исполнилось тридцать, и все изменилось. Клавдия очень хорошо запомнила тот свой день рождения.

Как всегда, отмечала его в ресторане. Было много народу, цветов, подарков. Самый лучший преподнес тогдашний любимый – норковую горжетку с атласным бантом, привезенную специально для нее из Греции. Клава сразу же накинула ее и щеголяла в ней весь вечер, несмотря на жару. Она очень себе нравилась в тот день рождения. Выглядела и правда потрясающе и чувствовала себя так же. Клавдия то и дело подбегала то к одному, то к другому зеркалу, смотрелась в них и отмечала, что время над ней не властно. Она так же свежа и очаровательна, как и в двадцать, когда только-только устроилась в кордебалет.

Клаве было очень жарко в горжетке, поэтому она то и дело выбегала на улицу, чтобы освежиться. В очередной раз покинув ресторан, увидела неподалеку от входа компанию своих гостей. Это были мужчины. Четыре человека. Они курили и что-то обсуждали. Клава сначала хотела подойти к ним, но потом передумала и тихонько опустилась на лавочку, желая немного перевести дух и вернуться в зал.

– Все порхает стрекоза наша... – донесся до ее ушей голос одного из бывших ухажеров. Тот работал в том же варьете, и с ним она рассталась цивилизованно. Обычно в пух и прах ругалась со своими «экс», видеть их больше не могла, а с этим после разрыва поддерживала приятельские отношения.

– Как героиня крыловской басни, честное слово! – добавил мужчина.

– А что ей еще делать? – пожал плечами другой гость, муж закланной подружки Клавы. – Ничего ж больше не умеет.

– Согласен. Но пора подумать о «зиме», та ведь не за горами. Как там в басне? «Попрыгунья-стрекоза лето красное пропела, оглянуться не успела, как зима катит в глаза...» Лето нашей Клавы на исходе. Ей уже тридцатник!

– Еще довольно молода, – заметил кто-то.

– Но не для брака! Замуж в таком возрасте выйти проблематично. Хотя можно в принципе. Только брать надо любого, кто согласится довести до загса. А Клава наша все выбирает, в мужиках, как свинья в апельсинах, роется. До сих пор! Хотя уже потаскана, да и репутацию имеет не самую хорошую...

– И что бы ты ей предложил?

– Попробовать охмурить какого-нибудь дурачка не из нашего круга. А если не выйдет, то хотя бы для себя ребенка родить.

Исчерпав тему, мужчины заговорили о футболе.

А Клавдия, как оплеванная, поплелась назад в ресторан. Зайдя внутрь, первым делом отправилась в туалет. К счастью, там никого не было, и молодая женщина смогла немного поплакать. Затем умылась и привела в порядок макияж. Потом посмотрела на себя в зеркало и ужаснулась. Она на самом деле выглядит не лучшим образом. Как там сказал ее бывший? Потасканно... А еще пятнадцать минут назад все было иначе. Или просто ей думалось, что иначе! Наверное, не обращала внимание на вот эти гусиные лапки у глаз, складки на шее, морщинки, тянущиеся от носа к подбородку...

Клавдия вернулась к гостям с улыбкой на лице. Однако сохранять ее было трудно. Пришлось наврать, что плохо себя почувствовала, и свернуть праздник.

После дня рождения Клавдия начала задумываться о «зиме». Но снова влюбилась, да так, что все мысли из головы вон. Кроме одной – о нем.

За того мужчину она пошла бы замуж. Только не позвал. И повел себя с Клавой так нехорошо, что сердце ее на мелкие кусочки разлетелось.

Она долго отходила от разочарования. Два года. И в этот период особенно остро ощущала свое одиночество. Был бы у нее ребенок, можно было бы ему отдать свое тепло, а малыш поделился бы с нею своим... Но ребенка у нее не было.

Когда Клава только начала встречаться с мужчинами, она не предохранялась, отправляясь с ними в постель. После двух аборт в двадцать и двадцать три, пришлось поставить спираль. Но в самом начале романа с тем, кто потом разбил ей сердце, она сбегала к гинекологу и попросила ее вынуть. Однако забеременеть не удалось. И от других мужчин все никак не получалось. Клава уже готова была смириться с тем, что никогда не станет матерью, как произошло чудо...

Беременность Клавдия переносила тяжело. Угроза выкидыша стояла настолько остро, что женщина почти все время лежала на сохранении. Наконец все же родила здоровенького, хоть и хрупкого, мальчика с невероятными – глазами цвета ясного летнего неба. Позже они немного изменили цвет, но все равно остались красивыми.

Клавдии вообще все в сыне нравилось. Она считала его лучшим ребенком на свете. Однако старалась не баловать чрезмерно, а скорее – поощрять. А вот наказывала не строго. Наверное, потому, что не за что было. Ромка, конечно, шалил, но серьезно не хулиганил. Он был замечательным мальчишкой, ее сын...

Вырос Рома на удивление хорошим парнем. Мать нарадоваться на него не могла. А уж какую гордость испытала, когда сын поступил на бюджетное отделение престижного вуза... И ведь Клава его отговаривала, не веря, что без связей можно туда попасть. А у Ромки получилось!

Ему вообще невероятно везло. Да, он старался, очень старался, но многим таким же целеустремленным и упорным удача в какой-то момент отказывала, и все летело в тартарары. Ромочке же сопутствовала. И Клава, следя за его успехами, думала о том, что ее сын проживет долгую, насыщенную интересными событиями жизнь, умрет лет в девяносто в окружении детей, внуков, правнуков, да еще молодой жены и «последыша» лет десяти.

Но Ромочка погиб, не дожив до тридцати. За два дня до своей свадьбы. Разбился на машине по дороге в поселок, где построил дом для своей будущей семьи.

Батюшка, что отпевал Рому, сказал: «Бог часто хороших людей рано забирает. Не плачь, мать, твое чадо уже на небесах!» Клавдия тогда глянула на него с ненавистью, но ничего не сказала. А в церковь ходить перестала. Когда ее спрашивали, почему, отвечала: «Разошлась с господом во мнениях».

Как Клавдия смерть сына пережила, она и сама до сих пор не понимала. Думала, сердце разорвется, когда его в землю начнут зарывать, но нет, выдержало.

Сильное оказалось у Клавдии сердце...

Пожилая женщина тряхнула головой. Она не могла вспоминать о похоронах без слез, а плакать ей сейчас нельзя было. Глаза покраснеют, да и подводка «поедет». Быстро нанеся тушь и помаду, Клавдия покинула свою спальню.

Глава 2

Орзу шел по темному коридору, ничегошеньки не видя перед собой. Чтобы не запнуться и, не дай аллах, не упасть, держался за стену. Он мог бы включить свет и передвигаться нормально, но боялся быть замеченным. А все потому, что находился сейчас в той части здания, где ему в эти часы находиться категорически запрещалось. Орзу наткнулся рукой на картинную раму. «Ага, – сказал себе он, – почти пришел. Это портрет хозяйки, который висит метрах в пяти от двери, ведущей туда, где мне разрешено бывать...»

Орзу собрался ускориться и преодолеть пятиметровое расстояние в три прыжка, но вдруг встал как вкопанный. Он увидел свет! Открылась дверь и...

– Я так и знала! – услышал Орзу голос хозяйки.

Затем коридор осветился. Это Клавдия щелкнула выключателем, и загорелись все люстры и бра.

– Знала, что именно ты шастаешь сюда, но не понимала, зачем. Теперь вижу.

Хозяйка поманила Орзу пальцем. Он послушно подошел.

– Ну-ка, дыхни! – приказала женщина.

Парень замотал головой, потому что вспомнил о съеденном на ужин чесноке и не хотел сбивать ее с ног запахом «термоядерного» чесночного перегара.

– Я кому сказала! – рявкнула Клавдия.

«Сама напросилась...» – подумал Орзу. И резко выдохнул.

– Воняешь мерзко, но не алкоголем, – поморщившись, проговорила хозяйка. После этого схватила Орзу за руку, ту самую, которую тот все время старался держать за спиной. В ней была зажата бутылка виски. – Я давно заметила, что из бара пропадает спиртное. Чаше его просто отливали, но иногда я недосчитывалась бутылок. Значит, это ты крысятничаешь, Орзу.

Что он мог сказать на это? Отрицать было бессмысленно, он попался на месте преступления.

– Зачем тебе виски, Орзу?

– Пить.

– Не ври. Если бы ты употреблял, от тебя бы сейчас пахло алкоголем. Ни один пьяница не удержится, чтобы не отхлебнуть из разных бутылочек перед тем, как стащить одну.

– Я хотел выпить у себя в комнате. Простите меня, хозяйка, я больше никогда...

– Скажешь правду – прощу. Нет – выгоню к чертовой матери..

Орзу понурился. Правду он сказать не мог, а врать толком не умел.

– Это ты для Райки, да? – продолжила допрос Клавдия.

Он мотнул головой. На самом деле хозяйка попала в точку. Алкоголь он воровал для горничной Райки, женщины, от которой с ума сходил. Сам Орзу не пил, как и полагается мусульманину. И чужое брать считал делом мерзким. Но ради Райки был готов если не на все, то на многое. На мелкое воровство – точно.

– Ладно, мне все ясно, – буркнула Клавдия. – Дай сюда!

Орзу отдал бутылку хозяйке.

– А теперь пошел вон!

– Я уволен?

– Да!

Если честно, парень не ожидал такого ответа. Орзу выполнял свои обязанности идеально. Вел себя безупречно. Причем на протяжении пяти месяцев. Он думал, что хозяйка им довольна. Более того, первое время даже считал, что нравится ей. Пока не увидел ее молодого любовника, которому он, Орзу, в подметки не годился. И все же Клавдия никогда не высказы-

вала своего недовольства работой или поведением Орзу. Хотя другим доставалось. Кое-кто, в том числе Райка, считали Орзу любимчиком хозяйки. И вот уволен...

– Хозяйка, прошу, прости! – выкрикнул он и прижал руки к сердцу. – Я больше так не буду!

– Конечно, не будешь, ведь ты у меня с этого момента не работаешь.

Клавдия хотела уйти. Уже развернулась, чтобы шагнуть за дверь, но Орзу схватил ее за руку.

– Умоляю, не выгоняй меня! Хочешь, на колени встану? Хочешь?

Орзу с ужасом ждал ответа. Если бы Клавдия сказала – вставай, он... он точно вылетел бы с работы. Потому что никогда мужчина перед бабой на колени не упадет!

– Любишь ее? – спросила вдруг Клавдия совсем другим тоном, мягким.

– Кого?

– Кого-кого... Раиску.

– Не, – замотал головой Орзу.

– И правильно. Бедовая она. Не пара тебе. Езжай домой, бери в жены хорошую девушку своей национальности и строй с ней свое счастье...

– Поеду и возьму. У меня и невеста есть. Только денег нужно заработать. На свадьбу.

– Невеста есть, говоришь?

– Да. Ее Зебо зовут. Ждет меня.

– Значит, с Раиской у тебя несерьезно?

– Мы просто друзья, – пролепетал Орзу.

Хотя какие там друзья? Когда он падал с Райкой на кровать, казалось, простыни сейчас вспыхнут. Да и не только простыни, а все, и кровать, и стены, и весь дом воспламенятся. Чудо, а не баба, огонь! Орзу, когда впервые до ее умопомрачительного был допущен, едва в счастье свое поверил. Мало того, что собою Райка прекрасна, так еще умела в постели невероятно, темпераментна, игрива. Орзу в такую зависимость от секса с нею попал, что готов был даже рисковать работой. А именно – стал воровать для Райки спиртное. Та выпить любила. И под хмельком была особенно ласкова и изобретательна.

– Ладно, иди к себе, – сказала Клавдия, – подумаю насчет тебя. Завтра скажу, работаешь ты еще у меня или уволен.

Хозяйка указала на дверь.

Орзу, спустившись по лестнице, вышел из дома, пересек сад. Прислуга жила в отдельном строении, и он в том числе. Парень надеялся, что Райка поджидает любовника в его комнате, развалившись на покрывале в своем фривольном халатике, но помещение оказалось пустым. Орзу подумал, а не сходить ли к ней, но настроения не было. Да и виски нет, так что не факт, что его встретят радостно. Поэтому он никуда не пошел. Не раздеваясь, лег на свою кровать, закрыл глаза и попытался уснуть.

Имя Орзу переводилось с таджикского как «мечта». Он на самом деле был мечтой своих родителей – до него в семье рождались только девочки. У Орзу имелись три старшие сестры. Отец уже не надеялся дождаться наследника, и тут, о чудо, на свет появился мальчик.

Орзу рос здоровым, красивым ребенком. Сестры все, как одна, в отца пошли, уродились довольно невзрачными. А он – в маму. А та первой красавицей в их ауле была. Как отцу такое счастье привалило, Орзу долго не мог понять. Мама мало того, что собою хороша, так еще и младше мужа на двенадцать лет. Потом узнал, что женщин ее рода замуж брать не стремились, ибо рожали они одних только девочек. Мама сама была пятой и последней дочкой в семье. Двоих замуж не взяли. Остались старыми девами, хотя внешне были хоть куда. Матери Орзу, можно сказать, повезло. Потому что за ней практически никакого приданого не давали. А все же умудрилась она замуж выйти. Вот только сына своему супругу все никак не могла подарить. Но когда у нее получилось, стала самой счастливой женщиной на свете. Жаль, недолго оно

длилось, ее женское счастье. Умер ее супруг спустя девять лет. От сердечного приступа. И было ему тогда всего сорок четыре года.

Семья долго тот удар переживала. И так до конца не смогла от него оправиться, ибо не только близкого потеряла – кормильца. Отец очень работающим человеком был. С утра до ночи вкалывал. Поэтому так рано и умер. Надорвался.

Орзу и этим пошел не в отца. Рос очень ленивым ребенком. Но тут имелось объяснение: мама и сестры обожали своего единственного сына и брата, вот и избаловали. Орзу рано научился ими манипулировать и жил как маленький падишах. Мальчишки в других семьях наравне со взрослыми по хозяйству работали: воду таскали, в саду возились, кур кормили, а Орзу больше на тахте лежал да на дудке играл, которую ему на пятилетие подарили. Отец мечтал о том, что сын, когда вырастет, станет знаменитым музыкантом. Будет играть в ансамбле на карнайе. Как его прадед. А пока маленький, пусть из дудки научится музыку извлекать.

Но папа умер – и все изменилось. Орзу пришлось встать с дивана, отложить дудку и впрячься в хозяйственные дела. Мама и старшая сестра устроились работать на бахчу, оставив на них, младших, дом, сад, курятник. И все же это было неплохое время. Хотя и трудное. Вернее, тогда им думалось, что трудное. Но оказалось, все самое ужасное еще впереди.

Когда Орзу исполнилось тринадцать, серьезно заболела сестра, самая младшая из трех. Семья и раньше еле концы с концами сводила, а тут совсем худо стало – на лекарства все деньги уходили. Да еще маме пришлось с работы уволиться, чтобы за дочкой ухаживать. Хотя ей так мало на бахче платили, что зарплаты ее все равно почти ни на что не хватало. Однако старшая сестра все равно там работать продолжала. Больше негде было.

Так и мыкались. Целых три года. Сестра не выздоравливала. Ей становилось иногда лучше, но ненадолго. Орзу в глубине души даже мечтал о том, чтобы она умерла. Все равно не живет, а мучается, а заодно и вся ее семья. Уйди сестра, всем бы легче стало. Однако Орзу эти мысли при себе оставлял. Сам их стыдился. А уж если б мама о них узнала, прокляла бы.

В день его шестнадцатилетия в их доме появился гость. Троюродный брат покойного отца. Он жил не очень далеко, но виделись они последний раз на похоронах. Оказалось, дядя все эти годы в Москве работал. По его словам, отлично зарабатывал. Вот только находился он на нелегальном положении, поэтому его периодически из России депортировали. Но он все равно туда возвращался. Потому что тысячу долларов на родине он за свой труд получить, естественно, может, но где-то за год, а там – за месяц. Да, трудно. Да, опасно. Зато семья ни в чем не нуждается.

– Поедешь, Орзу, со мной? – предложил дядя. – Вижу, плохо живете. А я мог бы тебя пристроить. Получать, конечно, первое время будешь немного. Долларов пятьсот в месяц, но потом...

У Орзу аж дыхание перехватило, когда он услышал волшебные слова «пятьсот долларов». Для него эта сумма была огромной. Сестра на бахче сорок получала. А тут пятьсот! Юноша сразу представил, как заживет, если хотя бы одну пятую своей зарплаты на себя потратит. А что? Его семье и четырехсот долларов хватит. А он на сто будет кутить – есть, что захочет, джинсы себе покупать, а главное, девушек угощать мороженым и лимонадом. А можно вообще триста домой посылать. Сто тратить, а столько же откладывать. На свадьбу.

Была у Орзу любимая девушка. Красивая. Почти как мама в юности. Ее и звали Зебо, что означало – красавица. Парень мечтал жениться на ней. И Зебо хотела выйти за него. Они, когда удавалось остаться наедине, много об этом разговаривали, строили планы на будущее. Зебо очень это любила – разговаривать и строить планы. А Орзу больше – обниматься да целоваться. Но невеста, как порядочная мусульманская девушка, воли ему не давала. Чуть кавалер посильнее прижмет, тут же ему по рукам – и пулей домой.

Как он был наивен, строя свои планы, Орзу сообразил сразу, едва приехал в Москву. Стоило ему только на метро прокатиться. Это же надо, за проезд чуть ли не доллар. А чем

дальше, тем страшнее. Оказалось, ста долларов, которые Орзу себе мысленно кинул на кутеж, хватит лишь на то, чтобы не умереть с голоду. То есть питаться хлебом, макаронами быстрого приготовления и самой дешевой тушенкой. В Москве все так дорого! А уж девушки особенно. Дядя со своими товарищами одну на пятерых брал. И то самую дешевую. А Орзу так мечтал с кем-то в Москве познакомиться. Да, он любил свою Зебо. Но она была недоступна, ему же очень хотелось секса. Орзу давно созрел. Восточные мальчишки уже в двенадцать только о сексе и думают, а ему шестнадцать исполнилось. Так что сексом парень, можно сказать, бредил. А вокруг столько соблазнов – девушки в мини, декольте, с открытыми животиками...

Орзу много работал и сильно уставал. Теперь та жизнь, которую он вел на родине, казалась ему легкой. Да, он трудился, но не так, как в Москве. Там всегда можно было позволить себе немного отдохнуть. Даже, если очень не хочется что-то делать, отложить работу на завтра. Тут же буквально не было продыху. Дядя и его товарищи, чтобы получить заветную тысячу долларов, вкалывали с раннего утра до позднего вечера. Освобождаясь часов в десять, закидывали в себя скудный ужин и валились спать. В шесть утра подъем, завтрак на скорую руку и снова «в бой».

Орзу уже двести тысяч раз отругал себя за то, что сюда приехал. Но не жаловался. Потому что толку от этого все равно не было бы. Никто его не пожалеет. Не нравится – отправляйся обратно. Только сначала на дорогу себе заработай. Первое время Орзу о том и мечтал: получить зарплату и купить билет на самолет. Но возвращаться домой без копейки было стыдно.

Почти восемь месяцев Орзу работал в подмастерьях у дяди. Сначала на строительстве каком-то, а потом, сколотив еще с тремя рабочими бригаду, взялись за отделку большого офиса. Когда объект сдали, начали другой искать. Только заказы, как назло, попадались какие-то мелкие, невыгодные. Конечно, брались и за них, но зарабатывать стали меньше. Однако через полтора месяца дядя нашел отличный заказ. Правда, работы там для пяти человек не было, лишь для троих. Орзу надеялся, что родственник его в свою бригаду возьмет, но тот сказал: «Извини, брат, но мне помощники нужны с опытом. Работа сложная, только для мастеров. Но ты не расстраивайся, вот закончу ее, опять тебя к себе возьму. А пока поищи чего-нибудь сам. Работенка в Москве всегда найдется...»

И отправился Орзу искать это самое «чего-нибудь».

Место, где собирались люди, надеявшиеся получить работу, называлось «пятак», на русский лад. Туда стекались такие же, как он, нелегалы. Те, кому требовалась недорогая рабочая сила, подкатывали на машинах к «пятаку» и договаривались. Обычно к подъехавшей тачке сразу кидались несколько человек, отпихивая друг друга локтями и предлагая свои услуги. Клиент после недолгих переговоров делал выбор и отбывал. Иногда один, оставив адрес и сообщив, к какому времени явиться, иногда с нанятым гастарбайтером.

Орзу три дня торчал на «пятаке», но не смог найти работу даже на несколько часов. Не выдерживал конкуренции. Другие чего только не умели: и кирпич класть, и плитку, и сантехнику ставить, и машины рихтовать. А Орзу мог разве что помочь во всем этом. Иначе говоря – принести, унести, поддержать. Только тогда он понял, как при троюродном дяде хорошо ему было, тот и мастер на все руки, и по-русски хорошо болтает, и наглый, как черт, с кем хочешь договорится.

На четвертый день, когда Орзу уже отчаялся, к «пятаку» подрулил огромный серебристый джип. На удивление к нему кинулись всего три человека. Остальные машину как будто не заметили.

– Ты чего сидишь? – спросил Орзу у Рузи, того самого мужчины, которого, как и его, дядя в бригаду не взял. Тот был таким же неудачником, как Орзу. Но очень активным человеком – бросался к каждой приехавшей машине. Правда, неизменно получал отказ, потому что был уже немолод и очень худ. Клиентам казалось, что он не годится для физической работы. – Конкурентов мало, может, сейчас повезет?

– Нет, сейчас точно нет, – тряхнул головой Рузи. – А вот тебе запросто.

– Почему?

Рузи на «пятак» был уже завсегдатаем. Раньше, пока дядя Орзу его в свою бригаду не взял, сам себе работу подыскивал.

– Эту машину все знают, – начал рассказывать мужчина. – На ней приезжает одна дама. Кажется, ее зовут Анна. И она ищет себе не работника, а сексуальную игрушку. Любит молодых, красивых, горячих. Смотри, к машине подошли только такие, симпатичные. У других шансов нет. Сейчас Анна выбирать будет. Так что ты не сиди в сторонке, вставай и иди к машине, ты в ее вкусе...

Но Орзу не смог себя заставить. А все потому, что тонированное стекло джипа опустилось, и выглянула его хозяйка. Ей было лет пятьдесят, возможно, чуть больше. Орзу не очень хорошо разбирался в возрасте русских женщин. Они все выглядели довольно молодыми и вполне привлекательными, но... Но только не Анна! Эта тетка показалась Орзу настоящим монстром. Крупная голова ее была покрыта короткими огненно-рыжими волосами. Маленькие голубые глазки прятались в складках кожи. Нос, хоть и небольшой, но крючковатый, загибался вниз, как птичий клюв. Но самым страшным, на взгляд Орзу, в лице Анны был рот: огромный, очень полный, покрытый жирным слоем перламутрового блеска.

– Шикарная баба, – проговорил пожилой товарищ, причмокнув. – Я б ее...

Что бы сделал мужчина с огненно-рыжим монстром, Орзу так и не узнал, потому что этот самый монстр в тот момент остановил взгляд своих маленьких глазок на нем. Через секунду Анна поманила его пальцем, на котором сверкало кольцо с огромным камнем.

Орзу не сразу пошел к ней, только после того, как его ткнул в бок кулаком старший товарищ.

– Как тебя зовут? – проворковала Анна, с интересом разглядывая лицо юноши.

– Орзу.

– Дурацкое имя. Тебе не идет.

– Оно означает «мечта».

– Правда? Что ж, это неплохо. Но я буду называть тебя Мурзиком. И с твоим именем созвучно, и слух не режет. А меня зовут Аня. Работу ищешь?

– Да. – Орзу еще плохо говорил по-русски, но элементарные слова знал, выучил за год жизни в Москве, поэтому смог вести диалог. – Вы хотите ее предложить?

– Тебе – да. Поехали.

– А сколько заплатите?

– Все от тебя зависит, малыш. Как постарайшься. Но не бойся, не обижу. Запрыгивай...

Орзу неуклюже забрался в огромный джип. Сел на краешек сиденья из белой кожи, опасаясь его попачкать, и робко посмотрел на Анну.

– Не бойсь, парень, – хохотнула женщина, – я тебя не съем.

Но Орзу боялся. Причем именно того, что его съедят. Прямо представилось, как Анна распахнет свой огромный рот и заглотит его целиком. Он ругал себя за эти глупые мысли, но ничего не мог с собой поделать, те так и лезли в голову, возрождая детские страхи. Когда Орзу был маленьким, то больше всего боялся злых колдуний, сжирающих детей заживо.

– Да не съем, не съем, – еще больше развеселилась Анна и похлопала юношу по колену. – Только немного покусая...

А потом вдруг наклонилась к Орзу и цапнула своими мелкими зубками за ухо. Орзу в ужасе отпрянул. Если бы машина не ехала в тот момент быстро, выпрыгнул бы из нее. Он уже жалел, что связался с Анной. Конечно, ему нужны деньги, но уж лучше двенадцать часов месить цемент на стройке, чем находиться рядом с этим монстром. Просто находиться, не говоря уже о том, чтоб спать с ним. Да, Орзу мечтал о сексе, но представить себя в постели с Анной не мог, как ни старался.

Ехали недолго. Минут двадцать по шоссе, потом еще десять по какому-то поселку, где дома были такими большими и красивыми, что у Орзу захватило дух. Ему не верилось, что в таких дворцах живут не короли или президенты, а обычные люди.

Анна подвезла Орзу к одному из особняков. Кивком дала понять, что нужно выходить. Орзу так и сделал. Анна повела его в дом. Сидя за рулем, она казалась женщиной среднего роста, но когда встала, выяснилось, что Орзу даже ниже ее. А тот не был маленьким. Высокая, крупная, но не толстая, а скорее, мясистая, совсем без талии, с большими руками и ногами, Анна совершенно не походила на женщину его мечты. Орзу нравились хрупкие, почти прозрачные девушки. Такие, как его любимая. Он представлял, как будет сжимать ее изящную талию, гладить маленькую упругую грудь, целовать тонкую шейку. Стоило ему только подумать об этом, как наступало возбуждение. При мысли же о сексе с Анной член Орзу сжимался, как испуганный зверек.

– Есть хочешь? – спросила женщина.

– Нет, – ответил Орзу.

Его желудок был пуст, но есть ему на самом деле не хотелось. Парня и так поташнивало – от страха.

– Да брось, по глазам вижу, что хочешь. Да и сил тебе надо набраться. Сейчас распоряджусь, чтобы приготовили обед, а ты пока пойди отмойся.

Хозяйка позвала прислугу, и юношу проводили в ванную размером с квартиру, в которой Орзу жил с восемью товарищами. А может, даже больше. Но уж что красивее и светлее, совершенно точно. Орзу долго плескался в пенной ванне, потом с наслаждением вытерся мягким полотенцем, источающим тонкий запах горной лаванды, затем облачился в халат и тапочки и вышел.

Анна уже поджидала его. Сидела за столом с бокалом вина. На ее коленях лежала маленькая лохматая собачка. Еще одна, той же породы, носилась по дивану и тявкала.

– Совсем другое дело! – воскликнула женщина, осмотрев Орзу с головы до ног. – Чистенький, свеженький... Садись, кушать будем.

Он опустился на стул. Собачка, бегавшая по дивану, тут же спрыгнула и попыталась отгрызть ему большой палец на ноге. Но никак не могла прокусить ткань тапочка. Анна с умилением наблюдала за ее действиями. Затем обратилась к Орзу:

– Что будешь пить?

– Я не пью, – покачал головой парень.

– Все вы не пьете! – почему-то разозлилась женщина. – А потом бутылки прятать приходится... Говори, что налить, коньяк, вино, пиво?

Орзу пожал плечами. Он на самом деле не пил. Так требовала его религия. Юноша знал, что многие мусульмане не соблюдают правил. Некоторые из тех, с кем он делил кров, выпивали. Но Орзу никогда не пробовал спиртного. И не курил ничего. И не жевал.

– Короче, выбираем коньяк, – изрекла Анна. И, плеснув в пузатый стакан немного янтарного цвета жидкости, скомандовала: – Пей!

Орзу не стал спорить – выпил. Коньяк оказался отвратительным на вкус. Просто не верилось, что кто-то может пить его по доброй воле. Однако уже через пару минут Орзу понял, почему люди это делают. Он ощутил такую приятную легкость, и физическую, и моральную, что смог принять удобную позу и даже улыбнуться Анне.

– Мальчик, и почему ты раньше все время хмурился? – всплеснула руками она. – У тебя фантастическая улыбка...

– А можно мне еще коньяку?

– Немного можно.

Хозяйка налила. Подвинула бокал Орзу. Когда тот выпил, подтолкнула к нему тарелку с бутербродами. На хлебе лежали семга, икра и королевские креветки. Орзу когда-то, может, и

ел что-то более вкусное, например, мамин плов, но это был так давно, что он позабыл. Помнил только дешевую тушенку да лапшу быстрого приготовления, которыми питался в Москве.

Орзу с аппетитом покушал. Съел три бутерброда, затем еще горячее: мясо с жареной картошкой, политое каким-то совершенно необыкновенным соусом с кусочками чего-то невиданного.

– Что это? – спросил он у Анны, нанизав один из них на вилку. – Какой-то экзотический фрукт?

– Дурачок, это белый гриб, – рассмеялась женщина.

Орзу тогда подумал, что белый гриб – самое вкусное, что есть на свете. Даже лучше баранины в мамином плове.

Потом он выпил еще. И... уснул!

Пробудился Орзу спустя некоторое время. Судя по тому, что опьянение до конца не прошло, часа через полтора. Разбудило его какое-то мокрое прикосновение к животу. Он решил, что это одна из собачек забралась на него и лижет. Орзу приподнял голову, глянул вниз и... О, аллах! Вместо песика увидел Анну. Голая женщина стояла на коленях перед диваном и жадно целовала Орзу. Сначала в живот, а потом...

О, аллах!

Орзу откинулся на подушку и закрыл глаза. Воскресив в памяти дивный образ своей возлюбленной, начал представлять, что это она ласкает его...

Но вскоре обо всем забыл и отдался во власть своим ощущениям.

В ту ночь он занимался сексом с Анной несколько раз. Первый – даже не поняв толком, что делает. Второй – уже различая оттенки «вкуса». Третий и четвертый – со вкусом. Пятый с интересом, получится ли еще раз. Получилось! Но Орзу решил, что все, хватит с него на сегодня. Да и Анна, уже не кажущаяся ему отвратительным монстром, запросила пощады. С самодовольной ухмылкой Орзу приобнял ее и мгновенно уснул.

Утром, когда он вышел к завтраку, Анны дома не было. Горничная, что наливала ему кофе, протянула конверт. Орзу открыл его. Внутри обнаружились три купюры по пятьдесят долларов и записка. Читать по-русски Орзу не умел. Только самые простейшие слова знал, типа «магазин», «полиция».

– Что, грамоте не обучен? – насмешливо спросила горничная.

– Нет, почему же... – обиженно пропыхтел Орзу. – Просто почерк неразборчивый.

– Ладно, давай прочту. – Девушка отобрала у парня письмо. – Так... Почерк и правда ужасный, но читаемо. «Мальчик, ты отлично поработал. Я довольна. Если есть желание продолжить сотрудничество, оставайся. Вечером обсудим условия оплаты».

У Орзу аж все внутри запело, когда он это услышал. Если за одну ночь он сто пятьдесят долларов заработал, то сколько ж ему Анна платить будет за «постоянную работу»?

Конечно же, парень остался. И обсудил условия оплаты. И «отлюбил» Анну после целых шесть раз.

Он перестал ее бояться еще вчера. В постели женщина была ласковой и податливой. Хотя и ненасытной. Но Орзу справлялся с ее темпераментом.

В доме Анны юноша он прожил пять счастливых месяцев. Кому-то, быть может, они таковыми не показались бы, ибо находился здесь Орзу на положении домашнего любимца – два йоркшира и он. Его кормили, поили, ласкали, покупали ему красивую одежду, выгуливали (одному выходить за ворота особняка запрещалось), но не воспринимали всерьез. Пожалуй, собак своих Анна уважала больше, чем Орзу, но ему было на это плевать. Главное, хозяйка ему платила. За секс. Просто мечта, а не работа! Жаль, с нее могут уволить...

Орзу надоел Anne через пять месяцев. И еще долго продержался! Как рассказывала горничная, его предшественники не выдерживали больше двух.

И снова парень оказался не у дел. Благо за пять месяцев удалось скопить некую сумму. Плюс обзавелся более-менее приличным гардеробом. Так что он надеялся пожить пару месяцев спокойно, без суеты подыскивая себе новую работодательницу. Орзу по наивности своей считал, что теперь предложения от жаждущих секса богатых женщин посыплются на него, как из рога изобилия. Ведь теперь он увереннее в себе, лучше выглядит, а уж как в сексе поднатолел...

Но оказалось, что найти женщину, готовую платить за секс, сложно. И Орзу просто невероятно повезло с Анной. Раза три он еще заработал «натурой», но это ни приличных денег, ни удовольствия не принесло. Пьяные русские тетki снимали его и везли в сауну. Платили копейки. И после не звонили. Хотя Орзу давал им свой телефон.

В итоге пришлось вернуться туда же, откуда его забрала Анна, – на «пятак» (дядя к тому времени вернулся в Таджикистан), там его и подобрала Клавдия. Приехала, чтобы найти себе постоянного работника. Нужен был «многостаночник» – чтоб и кусты стриг, и двор подметал, и лампочки менял, и краны ремонтировал. Желающих на такую работу нашлось, конечно, множество, но Клавдия выбрала Орзу. Он было подумал, что неспроста. Решил, женщина положила на него глаз, как и Анна, и будет к сексу склоняться. Но новая хозяйка, хоть и была весьма с Орзу любезна, вела себя исключительно пристойно. Потом выяснилось, что у нее имеется молодой любовник. Да не абы какой, а красивый, и умный, и весь из себя благородный. На принца похож. Ну, или хотя бы на графа. Куда ему до такого...

Орзу почувствовал, что начинает засыпать. Вдруг – стук в дверь. Торопливый и настойчивый. Тра-та-та-та! Только Райка так стучит...

Молодой человек встал с кровати, открыл створку.

– Ты чего запираешься? – налетела на него Райка. – Боишься, украдут?

Орзу ничего не ответил, вернулся в кровать. Сон при виде Райки как рукой сняло. А все потому, что была она в халатике микроскопической длины, не позволявшей скрывать ни сантиметра ее стройных ног. Подними Райка руки, и будут видны трусики... если, конечно, есть.

– Выпить найдется? – спросила женщина, деловито обшарив шкафчик. Обычно Орзу туда убирал украденное спиртное.

– Нету.

– Ты же обещал принести.

– Не смог. Хозяйка застукала.

– Да ты что! – испуганно выпалила она.

– Уволить грозит.

– Малыш... – засюсюкала Раиса. – Испугался, да?

Орзу скорчил скорбную мину. Чтоб у Райки возникли угрызения совести – из-за нее ведь чуть не пострадал, – и та отлюбила бы его сегодня так, как может под сильным хмельком. Орзу ей вино и таскал потому, что пьяная она такое вытворяла, что у него... аж зубы сводило от удовольствия.

– Ну, иди ко мне, я тебя утешу, – проворковала Райка, распахнув объятия.

Орзу уговаривать не пришлось. Парень подался вперед, сграбастал ее и, подмяв под себя, начал истово целовать.

– Вот шальной! – хохотала Раиса, увертываясь от его губ. – Ты же знаешь, я не люблю муслякаться...

– Ты такая... такая... – Орзу, охваченный страстью, все русские слова забыл и перешел на таджикский.

Райка возбужденно простонала:

– Говори, говори по-своему... меня это заводит...

Затем перевернула Орзу на спину, взгромоздилась на него и стала торопливо расстегивать на его груди рубашку. Она много раз говорила, что обожает его гладкий смуглый торс. Райка пробегала по нему пальчиками, а иногда вонзала коготки. Уж такой она была – то ласковой, то агрессивной, но всегда желанной. Орзу никого так не хотел, как ее... Даже свою невесту Зебо.

До того, как Орзу познакомился с Раисой, именно Зебо царила в его сексуальных фантазиях, теперь же очаровательная восточная девственница уступила место роскошной русской развратнице. Орзу считал, что это нормально. Невесту и жену он будет нежно любить, а Райку необузданно вожделеть и... иметь, пока хватит сил.

Любовница была ненасытной и сама в этом признавалась. Говорила, что полное удовлетворение получает только после разнообразного и очень длительного секса. Вот только не каждый мужик способен продержаться больше часа, а продержавшись, восстановиться за несколько минут и начать все заново.

А Орзу мог!

Как и много чего еще. Анна его всяким штучкам научила. Раисе они тоже нравились. А Орзу нравилось то, что Райка, хмельная, вытворяет с ним. Порой парочка всю ночь кувыркалась, доводя друг друга до исступления. А утром на работу!

Райка, раздев Орзу, начала разоблачаться сама. Развязала пояс халата и сдернула его с себя. Под ним обнаружилась роскошная шелковая комбинация с тонким кружевом на лифе.

– Ух ты! – восхитился Орзу. – Ты где такую купила?

– Не купила, – хихикнула Райка, игриво качнув грудью.

Кружево прилипло к телу, и у Орзу руки сами собой потянулись к двум восхитительным полушариям.

– У Клавы в шкафу нашла, да и забрала, – пояснила, ничуть не стесняясь признания, девица.

Руки Орзу опустились. Он не одобрял воровства. Себя корил за то, что таскает хозяйское спиртное. Но то вино, а тут – вещь. К тому же дорогая, наверное. Шелковая. Вон, какая на ощупь приятная.

– А зачем ей, старухе, такое белье? Перед кем в неглиже щеголять?

– Перед любовником.

– Ой, брось! Нет между ними секса. Может, раньше и был, а сейчас нет. А если б они даже и трахались, Серега все равно бы с закрытыми глазами это делал. Ты представляешь себе тело Клавдии?

– Все равно не надо было брать.

– Да перестань! – Раиса шлепнула его по груди. – Скоро все Клавино моим будет, так что я, можно сказать, свое взяла.

Орзу хотел возразить, но она напряглась вся, брови нахмурила и процедила:

– Если не заткнешься, секса не будет. У меня уже настроение пропадает...

И Орзу заткнулся. Ради секса с Райкой он готов был на всю жизнь онеметь.

Глава 3

Раиса знала, в чем ее сила – в наглости. Не зря же говорят, что нахальство – второе счастье. Если б не наглость, до сих пор жила бы она в своей глухой деревне, так и не увидев не то что Москвы, а даже областного центра.

Деревня, где выросла Райка, находилась в такой глуши, что попасть в нее можно было только летом, и то если дождей нет. А пройдет дождь, единственным видом транспорта, связывающим ее с остальными населенными пунктами, был трактор. Многие деревенские дальше соседнего поселка за всю свою жизнь не выезжали. Летом некогда – огороды. А зимой разве выберешься?

Райкина мама была исключением. Она не только видела соседние города и даже Москву, а самую настоящую границу. Ее, передовика производства, наградили путевкой в Прагу, и женщина туда поехала. Райка тогда еще крохой была, не понимала, какое мамке счастье выпало. А когда подросла, с восторгом чешские фотографии смотрела. Замусолила до дыр все четыре. На них мамка красивая, но чудная, – в плаще нараспашку, в берете набекрень и с платочком не на голове, а на шее. На себя не похожая. Как она сказала, застыдила ее глупа за внешний вид и заставила по чешской моде одеться. Самолично на нее плащ и берет надела, косынку повязала. Свои вещи одолжила. Сначала хотела, чтоб матушка купила одежду, да та ни в какую. Только платочек приобрела. Райка потом в нем форсила. Но лишь по дому. На улицу мать ее в нем не пускала. Вдруг испортит, а того хуже – потеряет.

Райка выросла с мыслью о том, что есть места в тысячу раз прекраснее их деревушки, и с мечтой в них побывать. Когда мамини фотографии смотрела, то каждое здание, да что там, каждый кирпичик взглядом ласкала. Ей сначала не верилось, что бывают на самом деле такие города. Думала, все, что по телевизору показывают, декорации, вырезанные из фанеры и умело раскрашенные. Но когда чуть постарше стала, поняла, что разные места есть на планете. Не только такие, как их деревня. И так Райке захотелось оказаться в одном из них. А еще лучше не просто посмотреть, а поселиться в каком-нибудь большом и красивом городе со старинными зданиями. Таком, как Прага. Только чтоб там по-русски разговаривали, потому что к учению Райка была неспособная. Зато собою – хороша. Еще когда девочкой была, на нее мужчины заглядывались. Не педофилы какие-нибудь, не маньяки – обычные мужики. Просто они уже тогда видели в Райке ту девушку, которой она станет, когда вырастет.

И Рая на самом деле по мере взросления все лучше и лучше становилась. Расцветала. Темно-русые волосы, голубые глаза в окружении длиннющих ресниц, белая кожа с румянцем на скулах – все ее красило.

Мама хотела, чтобы дочка после девятого класса поступила в районное сельхозучилище, которое сама окончила. Но Раиса не собиралась всю жизнь коровам хвосты крутить или в поле горбатиться, поэтому родительницу послушалась. И, получив аттестат о среднем образовании, отправилась в областной город – в вуз поступать. Конечно же, в театральный. Ну и провалилась на первом же, отборочном туре. Однако не расстроилась, решила в модели податься. Только ни в одном из агентств ее не приняли. Да, хороша собою, но недостаточно высокая для работы на подиуме и толстоватая. Внешность пусть и эффектная, но не формат. Райка и тогда рук не опустила. Пошла по дорогим магазинам работу искать. И хотя ей везде говорили, что штат укомплектован, она все равно требовала позвать хозяина. Райкина наглость в этом случае сбой не дала. В одном из бутиков на ее голос вышел владелец и... нет, не взял ее продавцом, а сделал своей любовницей.

Райкино счастье длилось полгода. А закончилось неожиданно – мужчина разорился. На этом их отношения и закончились. Райка, впрочем, опять же горевать не стала, ринулась на поиски нового «спонсора». Но что-то все не то попадалось. Райке ведь не просто мужик при

деньгах нужен был, а чтоб еще и нравился. Она девицей темпераментной была, страстной, секс любила, отдавалась с душой, а как с душой отдаваться тому, кто тебе противен? В содержанки к старым крокодилам Раиса идти не собиралась. Но попадались почему-то именно такие. Пришлось в деревню вернуться. На время.

Мама встретила дочку радостно. Решила, что та одумалась и будет теперь в родном доме жить, а не по съемным городским квартирам мыкаться. Но Райка маму огорошила известием о том, что хочет вообще в Москву переехать.

– Как в Москву? – ахнула родительница. – Это еще зачем?

– Там возможностей больше.

– Каких? В бордель попасть?

– Почему же сразу в бордель? Может, я там мужа себе найду?

Вообще-то девушка планировала найти в столице обеспеченного мужчину, который бы о ней позаботился, но замуж выйти тоже не отказалась бы.

– Да кому ты в Москве нужна? Мужики столичные на своих женятся. А тебя разве что работяга деревенский, приехавший в столицу на заработки, в жены возьмет. Да только такого можно и тут найти. Незачем за ним в Москву тащиться. Вон Петька-тракторист за тобой бегаёт уже три года. Выходи за него замуж, рожай детей и живи себе...

– Э, нет, тут я не останусь. И Петька твой не годится мне в мужья.

– А кто тебе годится? Филипп Киркоров?

Дочка закатила глаза. Киркоров был маминым любимчиком, не ее.

– Или этот... который доктора играет?

– Джорж Клуни... – мечтательно протянула Райка. – Он, кстати, в Москву приезжает на премьеры своих фильмов.

– Ага. Приедет, увидит тебя в толпе, голову потеряет и...

– Да ладно тебе, мам, я ж не идиотка. Понимаю, что Клуни и Филипп твой мне не светят. И все-таки в Москве больше шансов найти себе кого-то, чем тут, у нас.

– Где же ты там жить собралась?

– А где другие живут? Там и я буду.

– Нет, не пушу! – решительно тряхнула головой родительница.

– Мам, ты ведь меня знаешь. Я все равно по-своему сделаю. Лучше помогла бы мне.

– Да чем же я могу помочь?

– А помнишь, ты мне о своей двоюродной сестре рассказывала, которая, когда ты девочкой была, летом сюда приезжала и гостила у вас. Клавдия, кажется.

– Помню, конечно. Только она троюродная.

– Она ведь из Москвы?

– Вообще-то Клава такая же провинциалка, как мы, но в Москву в шестнадцать переехала. В хореографическое училище поступила, да так в столице и осталась. А из родственников у нее только мы с тобой, родители ее рано умерли. Вот Клава тетку иногда и навещала.

– Так напиши ей письмо, попроси, чтоб приютила меня на время.

– Да мы с ней не виделись уже лет сто!

– Ну, не сто...

– Тридцать – точно.

– Но ведь адрес у тебя есть. Вы же друг другу открытки поздравительные слали.

– Это тоже давным-давно было. Клава наверняка уже двадцать раз переехала.

– Ну, можно же попробовать, – не отступала Рая.

– Да неудобно, дочь, как-то...

– Неудобно, мать, трусы через голову надевать! Дай мне адрес, сама ей напишу.

Мама дала, и Райка написала. Ответа не получила. То ли Клавдия действительно сменила место жительства, то ли не посчитала нужным откликаться на письмо. Раиса, однако ж, рук

не опустила. Стала запросы отправлять в Москву, искать Клавдию Федосовну Сухову. И, что характерно, нашла! Дальняя родственница на самом деле была теперь прописана совсем по другому адресу. Девушка сначала хотела тетке очередное письмо написать, но потом решила: надо просто к ней ехать. Потому что ответа можно прождать до осени, а там дороги развезет, и из деревни не выберешься.

На билет и прочие расходы Райка денег добыла, продав шубу, подаренную бывшим любовником. Жалко, конечно, да и отдать пришлось за копейки, но делать было нечего. Собрав вещички и пообещав маме вернуться, если Клавдия ее не примет, Раиса покинула отчий дом.

До Москвы добиралась долго, почти трое суток. Вышла из вагона и ахнула. Но не от восторга, а от разочарования. Город оказался огромен, шумен, грязен, неприветлив. Чуть позже Рая увидела другую Москву, не привокзальную, и поняла, что в большом городе есть и своя прелесть. Особенно ей понравилась Манежная площадь. Сидеть у фонтана и на людей смотреть – одно удовольствие. Жаль, времени на это у нее мало. А все из-за работы. Пришлось устроиться (естественно, нелегально), чтоб с голоду не умереть. А главное, чтобы не уезжать из Москвы.

Три недели Райка мыла полы и посуду в одной забегаловке, пока Клавдию не отыскала. Беда была в том, что женщина в своей квартире не проживала. Соседи сказали, за городом где-то обитает, но где конкретно, никто не знал. Другая бы на месте Раисы руки опустила, а та нет. Настоящее расследование провела. Опросила и управдома, и всех старушек, что в сквере на лавках посиживали, и почтальона. Но на «след» вышла случайно. Увидела однажды, как из почтового ящика Клавдии какая-то молодая женщина письма достает, и подлетела к ней.

– Здравствуйте. Вы Клавдии кем приходитесь?

– Подругой. А что?

– Я ее ищу.

– А вы, собственно, кто? – Незнакомка окинула Райку подозрительным взглядом.

– Я ее родственница.

– И что вы хотите от Клавдии, родственница?

– Увидеться. Кроме меня и мамы моей, у нее родни не осталось. Тетя Клава с бабушкой моей очень дружна была, в гости постоянно приезжала, а потом они друг друга потеряли.

Женщина вытащила телефон, набрала номер.

– Клавдия, тебя тут родственница разыскивает. Говорит, чуть ли не единственная. Как выглядит? Провинциально. Что? Спросить, откуда?

– Из деревни Павелиха, – выпалила Райка.

– Из Павелихи какой-то... Ага... И что? Привезти? Ладно...

Женщина убрала трубку в карман и сообщила Раисе:

– Клавдия не против с вами встретиться. Я как раз сейчас еду к ней, могу вас с собой захватить

– Ой, сделайте одолжение!

Они вместе вышли из подъезда.

– Меня зовут Дарья, – представилась женщина. – А вас?

– Раиса.

Подруга Клавдии кивнула и больше ничего не сказала. Подвела Райку к автомобилю, скромненькой «Ладе». Машина Дарье не шла. Не потому, что та была как-то уж очень хороша собою, настолько, что ей только на «Бентли» ездить. Внешность приятная, но ничего выдающегося. Красивые глаза и волосы, вот, пожалуй, и все, что цепляло взгляд. Да еще фигура. Ладная, женственная. Райка, обладательница аппетитных форм, знала, как трудно держать их в тонусе. Чуть побольше съешь – живот вылезает, полакомишься вкусеньким несколько дней – задница тяжелеет. А у Дарьи тело было в хорошей форме. Но во всем облике женщины сквозила такая непоколебимая уверенность в себе, что не на «Ладе» ей бы ездить, а хотя бы на

«Ауди». Потом, когда Райка лучше узнала подругу Клавдии (Дарью иначе как «приживалкой» никто не называл), поняла, как на ее счет ошиблась. Женщина просто умела, что называется, хорошую мину при плохой игре делать. Умела за маской самоуверенности прятать свои комплексы, которых у нее не меньше, чем у остальных, оказалось. Если не больше.

Клавдия, как выяснилось, жила за городом. Добирались до места часа полтора. В дороге не разговаривали. Дарья была вся погружена в себя. Да и вообще она не очень Райке понравилась. Показалась высокомерной.

– Приехали, – сообщила женщина, затормозив у шикарного дома.

«Ого! – подумала Раиса. – А родственница-то не бедствует...»

Они прошли за ворота. Красивый парк окружал дом. В нем росли и старые деревья, Райкины ровесники, и саженцы, едва окрепшие. Возле слабенькой елочки суеился красивый молодой человек неславянской внешности.

– Орзу, – окликнула его Дарья, – хозяйка где?

– В кухне. Вот уже два часа оттуда не уходит.

– И что она там делает?

– Варенья захотела яблочного. Варит.

Отвечая на вопросы, парень глаз с Райки не сводил. А та кокетливо ему улыбалась. Ей нравились хорошенькие мальчики. Жаль, взять с них нечего!

Дарья провела Раю в кухню. Клавдия стояла у плиты и большим черпаком помешивала в тазу варенье.

– Какой аромат! – не оборачиваясь, воскликнула она.

– Да, пахнет чудесно, – отозвалась Дарья. – А я не знала, что ты умеешь варенье варить.

– Я и сама не знала. Ни разу этого не делала. – Хозяйка выключила газ и наконец повернулась к гостям лицом. – Но бабка вот этой барышни, – Клавдия кивнула на Райку, – при мне его варила. Вот припомнила, что и как она делала, и повторила. Вроде получилось. Жаль, яблоки из супермаркета. Из садовых вышло бы просто объедение, да где их взять сейчас?

Женщина переставила таз на открытое окно. Затем сполоснула руки и вытерла их о фартук.

– Как тебя зовут, забыла я, – обратилась она к Райке. Та назвалась. – Похожа ты на бабку. Не в мать пошла лицом да фигурой. Это хорошо. Родительница-то твоя вроде невзрачная. Жива, здорова? Ты ведь у нее поздний ребенок? Сейчас ей уже годков немало.

– Да, с мамой все хорошо. Иначе я бы не уехала, не бросила ее одну.

– А чего уехала?

– Не хочу в деревне прозябать.

– Понимаю. А почему именно в Москву поперлась? Есть города и поближе...

– А вы почему именно в Москву поперлись в свое время? – выпалила Райка. И только когда высказалась, подумала о последствиях. Грубить человеку, от которого ждешь помощи, глупость наивысшего порядка. И как ее угораздило такое ляпнуть?

Девушка уже хотела на колени падать и прощения просить, как вдруг услышала смех Клавдии:

– Вот молодец девка! Нахалка, конечно, страшная, но зато боевая. И рисковая. От меня чего хочешь?

Райка облегченно выдохнула:

– Приютите на время?

– Смотря на какое.

– Ну...

– Я так и думала, – усмехнулась Клавдия.

– У вас все равно квартира пустует, пустили бы туда меня пожить. Я заодно присмотрю за ней. И почту буду вам возить.

– Слышала? – обратилась старуха к Дарье. – Благотельница прямо...

– Нет, ну, я и тут могу жить. Только добираться уж больно далеко до Москвы. А у меня там работа.

– Какая?

– Пока, можно сказать, никакая. Но я найду хорошую.

– Предлагаю тебе вот что. Мне прислуга нужна. Та баба, что по хозяйству помогала, была на воровстве замечена. Уволила я ее. Замену ищу. Если справишься с работой по дому, оставайся у меня. Жильем обеспечу и платить буду нормально. Но если не хочешь, то извини. Приютить на день-два, максимум на неделю, могу. Но не больше. Мне приживалки не нужны.

Не знала тогда Раиса, что Дарья как раз приживалкой и является, а то бы не смолчала.

– Так что, согласна?

Райка задумалась. Не для того она из дома уехала, чтоб похоронить себя в деревне, пусть и буржуйской. Что она тут увидит, кроме кастрюль да пылесоса? И, главное, кого? Из мужчин, имеется в виду...

– Клавдия, что за чудесный запах витает по дому? – послышалось из холла.

– Сережа, иди сюда, – отозвалась хозяйка, – сам увидишь.

Через несколько секунд в кухню вошел... нет, вплыл мужчина. Лет ему было около тридцати. Рост где-то сто восемьдесят сантиметров. Красивое породистое лицо, аккуратно причесанные светлые волосы, спокойные голубые глаза. Раиса решила, что это сын Клавдии. А что по имени ее называет, ничего удивительного. Городские все с причудами, а особенно молодые мамы или бабушки. Им не нравится, когда к ним обращаются «мама», «бабушка», им хочется, чтоб их по именам называли.

– Добрый день, дамы, – поздоровался Сергей с присутствующими в кухне женщинами. Клавдию же еще и в щеку поцеловал. – Неужели ты варила яблочное варенье? – спросил он, поведя ноздрями.

Ну да, от Клавдии наверняка пахло «семеринкой» (так в народе называют яблоки этого сорта), Райка видела обрезки с зеленой кожурой.

– Представляешь?

– С трудом. Я тебя вообще у плиты не видел.

– А что делать, Сережа, я же уволила не только шофера-пьяницу, но и помощницу.

– Замену так и не нашла?

– А вот видишь, барышня перед тобой стоит. Она, правда, еще не дала согласия...

– Даю! – выпалила Райка, в голове которой мгновенно созрел грандиозный план.

– Вот и славно. Сережа, это Раиса, познакомься.

– Очень приятно, – улыбнулся девушке Сергей.

– Мне тоже, – промурлыкала та.

– Рая, сейчас можешь быть свободной. Возвращайся в Москву, собирай вещи. Жду тебя завтра утром здесь. До свидания.

– А меня... никто не отвезет?

– Даже у меня сейчас нет личного шофера. Так что придется своим ходом добираться. В полутора километрах от дома остановка автобуса. Он ходит раз в полчаса.

– Я довезу до остановки, – подала голос Даша. – В магазин забежать надо, забыла чаю купить.

– Только ты не долго. Будем варенье пробовать.

Дарья кивнула и, сделав Рае знак следовать за собой, покинула кухню. Пока шли к машине, завтрашняя горничная гоняла в своей голове мысли о Сергее. Интересно, он женат? Кольца на пальце нет, но мало ли... «Впрочем, какая разница, – беспечно фыркнула Райка. – Если что, уведу. Но он точно моим будет...»

– А Сергей женат? – спросила Райка у спутницы, когда они сели в авто и поехали.

- Нет.
- Ммм...
- Глаз на него положила? – криво усмехнулась Даша.
- Симпатичный мужчина.
- Лучше держись от него подальше. Если не хочешь вылететь из дома Клавдии.
- Она что, не хочет своему сыну счастья?
- Сыну? – На этот раз Дарья расхохоталась в голос. – Сережа ее друг.
- Да? То есть... она с ним...
- Он ее друг, – уже без улыбки повторила Даша.
- А детей у нее разве нет?
- Нет.
- Но кто-то из соседей про сына говорил.
- Сын Клавы погиб.
- Это что же, у нее совсем никого?
- У нее есть мы, ее друзья.
- А из родственников?
- Из родственников никого...
- Кроме нас с мамой, – закончила Райка тихим, едва слышным голосом.

И замолчала. Теперь она обдумывала другой план – как стать наследницей богатой тетушки напрямую.

Глава 4

Кто бы знал, как Сергей ненавидел этот дом! Будь его воля, он не ступал бы даже на его порог, но... Но его волю давно поработила пожилая женщина по имени Клавдия. Хозяйка проклятого дома.

Сергей познакомился с ней пять лет назад на аукционе. Явился на торги со своей приятельницей, с которой когда-то был близок. Потом они расстались, но сохранили прекрасные отношения. Сережа отлично разбирался в живописи, вот подруга и попросила сопроводить ее на аукцион, где основными лотами являлись произведения изобразительного искусства.

Клавдия пришла на аукцион одна. Не глядя купила три картины. Причем одну из них увела из-под носа Сережиной подруги. Она сразу положила на него глаз, поэтому и «отжала» лот. Чтобы привлечь внимание спутника своей соперницы по торгам.

Сергей привык к тому, что нравится женщинам. Особенно тем, кто постарше. Он был серьезен, солиден, элегантен, хорош собой. Но не «актуально» красив, а несколько старомодно. Современным девушкам нравились бруталы. Все эти Клуни, Фареллы, Дизели... Сережа же скорее был похож на Тихонова – Штирлица. Только блондин. И фигура у него была не спортивной, хотя и пропорциональной. На нем отлично сидели классические костюмы. А вот джинсы и футболки в обтяжку Сергею не шли. Даже кожаные куртки смотрелись глупо. В отличие от пальто и плащей.

Женщина, с которой Сережа пришел на аукцион, тоже была старше него. Но незначительно, на девять лет. Клава же, по предварительным Сережиным прогнозам, годилась ему в матери. То есть если ему было в тот момент двадцать семь, то ей лет пятьдесят пять как минимум, а скорее шестьдесят. Хотя выглядела Клавдия неплохо. Невысокая, стройная, с озорными глазами и темным кучерявым чубом. В ней чувствовался юношеский задор, который и придавал ее внешнему виду молодости. Потому что состояние ее кожи оставляло желать лучшего. Клавдия была вся в морщинах и в отличие от многих обеспеченных женщин явно никак с ними не боролась.

Она подошла к Сергею, когда тот вместе с подругой покидал мероприятие, со словами:

- Я так поняла, вы эксперт в области живописи.
- Не эксперт, но немного в ней разбираюсь...
- Не проконсультируете меня? Я хорошо заплачу.

Сергею нужны были деньги, поэтому он согласился дать Клавдии консультацию.

Та жила тогда в городской квартире. Добротная трехкомнатная «сталинка» была напичкана антиквариатом. По стенам картины. Причем настоящие произведения искусства соседствовали с откровенной мазней уличных художников. Да и прочая обстановка здесь была... вперемешку. Например, кожаное кресло конца девятнадцатого века стояло рядом со столиком из прессованных опилок.

– Знаю, что у меня нет вкуса, – сказала Клавдия, заметив недоумение на лице Сергея, – поэтому и обратилась к вам. Надеюсь, все еще можно исправить? Мое жилище станет выглядеть достойно?

Сергей привел апартаменты в порядок за неделю. Много пришлось выкинуть, что-то докупить. Предметы мебели и аксессуары они выбирали вместе. Ходили по магазинам, заглядывали на аукционы, даже на блошином рынке побывали. Когда квартира приобрела пристойный вид, Клавдия устроила вечеринку. На ней Сергей познакомился с сыном хозяйки. Он знал, что Роман живет с матерью, но ни разу парня не видел, тот вечно пропадал на работе. Рома Сереже понравился, вот только это чувство не было взаимным. В разгар вечеринки сын Клавы отвел его в сторонку и сурово спросил:

- Что у вас с моей матерью?

– Ничего, кроме взаимовыгодного сотрудничества.
– Вы оказываете ей услуги, и она вам платит?
– Совершенно верно.
– И не стыдно вам в этом признаваться?
– А почему мне должно быть стыдно?
– То есть вы считаете нормальным спать с женщиной за деньги?
– Пойдите... Вы что же решили... – И смущенно кашлянул. – Вы приняли меня за жиголо?

– А вы предпочитаете называть себя иначе?
– Я оказывал вашей матушке исключительно консультационные услуги.
– То есть интима у вас не было?
– Конечно же, нет.
– Тогда почему все ее подружки только о том и говорят, что у Клавды появился молодой любовник, и при этом указывают на вас?

– Не имею понятия.

Роман хотел продолжить разговор, причем, судя по нахмуренным бровям, в том же тоне, но тут к ним подошла Клавдия, взяла его под руку и увела. Через какое-то время она оказалась рядом с Сергеем и с усмешкой спросила:

– Что, мой сынулька устроил вам сцену ревности?

– Мы просто разговаривали.

– Бросьте, Сергей, как будто я не знаю своего Рому... – отмахнулась женщина. – Он у меня страшный собственник. Я его воспитывала одна, и сын привык к тому, что все внимание достается ему. Поэтому всегда ревновал меня к мужчинам. Я вынуждена была встречаться со своими поклонниками втайне от него. Надеюсь, что со временем все изменится, мой сын повзрослеет и даст матери свободу, но не тут-то было. Рома до сих пор меня контролирует. И воспринимает в штыки всех моих мужчин...

– Позвольте... но... – Сергей растерянно развел руками, – я ведь не ваш...

– Это мы с вами знаем. А для всех вы мой любовник. Сыну я такого не говорила, только подругам. Но они наверняка уже ему донесли.

– Но зачем вы дезинформировали подруг?

– А пусть завидуют! – хохотнула хозяйка дома. – Да и Роме пора уже смириться с тем, что мама не его собственность.

В этот день разговор на том и закончился. А спустя несколько дней Клавдия позвонила Сергею и пригласила его на театральную премьеру.

– Я бы с радостью, но не смогу, – соврал он.

– Я вам не верю. Вы просто не хотите.

– Нет, почему же...

– Тогда не ломайтесь и соглашайтесь, – тоном, не терпящим возражений, проговорила женщина. – Я заплачу вам за эскорт.

– Вы хотите меня обидеть?

– Боже меня упаси! Я питаю к вам искреннюю симпатию и уважение. Но я знаю, что вам нужны деньги. Ведь они вам нужны?

– Да. Как и всем.

– Нет, вам нужны больше, чем всем, я наводила справки. Так что не отказывайтесь.

И Сергей не отказался. Пошел с Клавдией на премьеру, получил огромное удовольствие от спектакля, потом еще в буфете от коньяка и дивных эклеров, и за все это еще получил гонорар. Да, ему было немного неловко... первое время. А потом он как-то свыкся с тем, что Клава сует ему в карман купюры после каждой встречи.

Мужчина нуждался в деньгах катастрофически, и это было правдой. Когда-то Сергей совсем не задумывался о них. Жил припеваючи до двадцати четырех лет. Сын папы-дипломата, мамы – профессора логистики и брат талантливейшей пианистки. Его младшая сестра была вундеркиндом. Гордостью не только семьи, но и страны. Уже в четыре года девочка прекрасно играла на фортепьяно, в семь выигрывала музыкальные конкурсы, а в десять дала свой первый сольный концерт. Юная пианистка получала гонорары за выступления и вносила их в семейный бюджет. О, они очень хорошо жили. Можно сказать, богато. Но все изменилось в один день...

Они ехали в машине – папа, мама и сестра. Направлялись из аэропорта Домодедово в Москву, спеша на день рождения Сережи. За рулем сидел человек, который возил семью на протяжении многих лет. Он был отличным шофером. И в тот день не нарушал правил дорожного движения. Но тот, кто вылетел на встречную полосу и лоб в лоб столкнулся с их машиной, был смертельно пьян. В итоге – четыре труп и один тяжело раненный человек, единственный, кого врачи «Скорой помощи», вызванной на место аварии, перенесли из покореженного авто в «карету», – сестра Сергея.

Никто не надеялся, что девушка выживет. Ни когда вытаскивали ее из салона, ни когда везли в реанимацию, ни когда делали операцию, ни когда она отходила после нее. Не жалец, говорили о больной все, начиная от врачей и заканчивая санитарками, а последние знали, о чем говорят, ведь перевидали столько пациентов, сколько не снилось и докторам. Но сестра Сережи выжила! Вот только...

Только лучше бы она умерла. Так думали (но не говорили) многие. В том числе врачи и санитарки. А больше те, кто хорошо знал семью Сергея и его самого. Потому что девушка после аварии стала полным инвалидом. Она не только не могла ходить, но даже сидеть. Она не могла ничего. В том числе думать. Потому что мозг ее повредился так же, как и тело. Юная пианистка превратилась в овощ. Но овощ жизнеспособный. Нуждающийся в пище, воде, свежем воздухе. Его необходимо было сажать на горшок, обмывать, расчесывать, стричь ему ногти...

Для всех она была именно овощем.

Но только не для Сергея.

Для него она оставалась сестрой. Той необыкновенной девочкой, которая научилась играть на пианино в возрасте четырех лет, в семь выигрывала конкурсы, а в десять давала сольные концерты. Когда с ней случилось несчастье, ей едва исполнилось пятнадцать. Вроде бы вся жизнь впереди... Но что это за жизнь?

Первое время Сергей верил в чудо. Он возил сестру по врачам, надеясь, что ей можно помочь. Доктора в один голос твердили – невозможно. Тогда молодой человек отправился к колдунам и шаманам. Те уверяли, что помогут, брали за свою работу немалые деньги, но состояние больной оставалось неизменным.

В бесцельных попытках помочь сестре прошло два года. За это время Сергей истратил все, что имелось в наличии и на счетах семьи. Кроме того, пришлось продать мамины украшения и отцовскую коллекцию монет. Больше продавать было нечего. Разве что квартиру – и покупать себе меньшую на окраине, но Сергей твердо решил сохранить семейное гнездо. Они с сестрой выросли в этом доме в центре столицы, с ним было связано много милых сердцу детских воспоминаний.

За сестрой требовался постоянный уход, а он работал. Сиделки стоили дорого.

Сергей выкручивался как мог. Брал на дом любую работу. Писал студентам курсовые, правил тексты, играл на бирже. И все равно денег не хватало катастрофически.

С появлением в его жизни Клавдии кое-что изменилось. И дело даже не в том, что немолодая женщина платила ему за эскорт. Просто она стала его талисманом.

Сергей никогда не был особенно суеверным. Но когда познакомился с Клавдией, все стало иначе. И не только потому, что она рекомендовала его как эксперта и дизайнера своим знакомым и у него появился дополнительный источник заработка. Ему стало фартить во всем.

А как только Сережа с Клавой ругался, начиналась черная полоса. Он даже один раз выпалил ей в лицо: «Ты колдунья!» Клавдию, впрочем, его заявление нисколько не обидело. «У меня очень мощная энергетика, – ответила она спокойно. – Так что вполне возможно, могу как-то влиять на события».

И он стал ее послушным слугой. Не в буквальном смысле, конечно... И все же.

Сергей боялся гневить Клавдию. Потому что, если он это делал, она обрушивала на его голову проклятия, и тогда у него все шло наперекосяк. Срывались контракты, клиенты отказывались платить, из компьютера пропадала нужная информация. В общем, могло произойти все что угодно. Зато когда с Клавдией устанавливался лад, удача сопутствовала Сереже.

Окружающие до сих пор считали их любовниками. Ни Сергей, ни Клавдия их не убеждали. Просто никак не комментировали свои отношения. Даже Даша не владела достоверной информацией.

Даша... Молодая женщина очень Сереже нравилась. Было в ней то внешнее спокойствие, то умение владеть собой, которое так привлекало его в людях. Наверное, потому, что сам не любил демонстрировать свои чувства. Все должны были думать, что у него все идет прекрасно. Даже тогда, когда ему нечем было заплатить за услуги сиделки и он сам обмывал и кормил сестру вечером, ночью строчил рефераты, а утром снова обмывал и кормил сестру, на вопрос «Как дела?» он отвечал: «Спасибо, все хорошо!»

Сначала Сергей думал, что Даша холодна по природе своей. Но один раз стал невольным свидетелем ее срыва. Зашел к Клавдии в комнату без стука, а там Даша. Плачет и что-то лепечет про ребенка, которого не сберегла. Он тогда тут же ретировался, Дарья даже не успела его заметить. А уже через полтора часа, когда встретились за ужином, девушка была само спокойствие и доброжелательность.

Сегодня Сергей еще не видел Дашу. Провел в гостях у Клавдии час, но девушка так и не появилась. Возможно, ее не было дома. Или же она просто не выходила из своей комнаты. Наконец Сережа решился спросить о ней у Клавдии:

– Что-то Даша не видно. Она не заболела?

– Нет. Здорова. Но что-то захандрила, спит целыми днями.

– Осень...

– Наверное. – Клавдия взяла со столика свою чашку, наполненную теплым молоком с медом, и сделала глоток. – Она тебе нравится, да, Сережа?

– Осень?

– Дарья.

– Да, она очень приятный человек.

– И симпатичная женщина.

– Не буду спорить.

– Так она тебе больше нравится как приятный человек или как симпатичная женщина?

– К чему эти вопросы, Клавдия?

– Ответь! – Ее тон стал повелительным.

– Если б у меня появилась возможность, я бы начал за ней ухаживать.

– А у тебя ее нет?

– Конечно, нет. Ты отняла ее у меня.

– Да брось!

– Клавдия, вспомни, как ты увидела меня в ресторане с барышней и закатила скандал. А та моя клиентка, с которой я якобы был слишком любезен? А сиделка, показавшаяся тебе чересчур красивой? Ведь ты уволила ее, хотя на работу ее принимал я, а не ты. Ты, Клавдия, страшная ревнивица. Не терпишь, когда я уделяю внимание кому-то, кроме тебя.

Клавдия задумчиво пила молоко и ничего не говорила.

– И я понял бы, если б мы на самом деле были любовниками. Так ведь нет же! – закончил Сергей.

Клавдия отставила пустую чашку и, подперев руками подбородок, пристально посмотрела на него.

– Какой ты дурачок все-таки... – проговорила она со вздохом. – Ничего не понимаешь в женщинах...

– Да где уж мне?

– А вот скажи мне, если бы я совершала какие-то поползновения сексуального характера, ты бы как среагировал?

– Не знаю.

– Врешь – знаешь. Отвечай.

Но Сергей молчал. Не мог сказать женщине, что отверг бы ее.

Первый месяц знакомства он с опаской ждал от Клавдии этих самых поползновений. Он мог представить себе свою близость с женщиной постарше, но максимум лет сорока, сорока двух. Хотя знал, есть парни, которые не считают противоестественным спать с дамами, годящимися им в бабушки. И считал их пусть безобидными, но извращенцами.

Клавдия ни разу не позволила себе вольности. Конечно, кокетничала с Сергеем, однако не больше, чем с остальными мужчинами. И даже меньше, чем с давним своим поклонником Артуром.

Только однажды...

Клавдия тогда выпила лишнего на своем дне рождения... и попыталась поцеловать Сергея в губы. Он успел повернуть лицо, и ее губы коснулись его щеки. На том все и закончилось. Сергей тут же забыл об этом инциденте, а вот сейчас почему-то вспомнил о нем.

Как оказалось, Клавдия тоже.

– Я помню, как ты поспешно убрал губы, когда я попыталась тебя поцеловать по-взрослому, – сказала она. – Тогда я поняла, что между нами не может быть ничего, кроме дружбы и... выдуманного романа.

– А ты хотела чего-то большего?

– Какая разница, чего хотела я? Главное, чего не хотел ты.

Женщина отвела взгляд от лица собеседника и устремила его на носки своих домашних туфель. Сергей ни разу не видел ее такой, с опущенным взором.

– Я понимаю, это извращение – молодому мужчине заниматься сексом со старухой. И грех старухе склонять к этому молодого мужчину. Но любить его ей никто и ничто не может запретить.

– Ты любишь меня? – пораженно переспросил Сергей.

– Не заставляй меня повторять дважды, – поморщилась она. – Я не хотела, чтоб ты знал вообще. Да вот не выдержала... раскололась, старая дура... – Клавдия встала, прошла к бару, налила себе виски, но так и оставила стакан на стойке. – Веришь, я даже завещание в твою пользу составила. Думала, если ты... захочешь быть со мной по-настоящему, я все тебе оставлю...

Сергей не знал, что сказать. Пребывал в шоке. Но Клавдия, казалось, и не ждала от него никакой реакции. Она озвучивала свои чувства впервые за долгое время и была даже рада тому, что ее не перебивают.

– Вот оно, это завещание... – Хозяйка дома подошла к письменному столу, открыла верхний ящик и вынула листок. – «Я, Сухова Клавдия Федосовна, завещаю все свое движимое и недвижимое имущество Сергею Петровичу Глазову...» То есть тебе. Однако я, как видишь, не только его не оформила, но даже не подписала... – Впервые за время откровений женщина посмотрела собеседнику в лицо, да еще со своей привычной улыбкой на губах. – Эх, Сережка, мог бы стать богатым после моей смерти...

Надо было произнести хоть какую-то фразу. Пусть и самую банальную. Типа «ты еще всех нас переживешь...». Сергей только собрался с духом, чтобы ляпнуть нечто похожее, как дверь открылась.

– Клавочка, это я! – послышалось с порога.

– Артур! – На лице Клавы не осталось и следа печали. – Мой дорогой, как я тебе рада! Иди ко мне, я тебя поцелую...

Обычно Клавдия не бывала столь ласковой со своим давним поклонником, и тот немного растерялся. Однако быстро взял себя в руки и бросился к женщине со всех ног. Клава расцеловала его в колючие щеки и усадила рядом с собой.

– Я поеду, пожалуй, – проговорил Сергей, вставая с кресла. – До свидания.

– Поедешь? – переспросила Клавдия. – Я думала, ты останешься ночевать.

– Нет, – поморщился Сергей, который терпеть не мог этот дом и не любил проводить в нем ночи.

– Оставайся, Сережа, – вклинился в их разговор Артур. – На дорогах – засада. Сплошные пробки. До Москвы доберешься только к ночи, а утром опять ехать.

– Я завтра не планировал.

– Как? Ты забыл про праздник урожая?

О, как же он мог забыть! Праздник этот начали отмечать в кругу Клавдии еще до знакомства Сергея с ней. Та тогда еще в московской квартире жила и, насмотревшись на соседку, которая на балконе разбила целый огород, тоже решила посадить несколько кустов помидоров. Сделав это, всем друзьям похвалилась и пообещала угостить желающих плодами со своего «приусадебного участка». Но, когда пришла пора собирать урожай, оказалось, что лишь на одном кустике висит мааааленькая чаааахленькая помидорка. Однако Клавдия не отчаялась. Купила овощей на рынке и налепила их на кусты скотчем. Не только томаты, но и огурцы, и перцы, и даже листья салата. И устроила праздник урожая, который прошел так весело, что было решено проводить его ежегодно.

– Хорошо, я останусь, – сказал Сергей. А про себя подумал: «Может, Дарья перестанет хандрить и выйдет из «подполья». Я соскучился по ней, хочу ее увидеть...»

– И правильно, – одобрила его решение Клавдия. – Твоя комната ждет тебя. Если что-то понадобится, зови Райку.

Сергей кивнул и удалился.

Глава 5

Артур был рабом Клавдии долгие, долгие, долгие годы.

Любил ее без малого двадцать лет.

Он бы все отдал, чтобы стать ее супругом. Но Клава сразу сказала, что замуж за него не выйдет. И вообще, скорее всего, не свяжет себя узами брака. Потому что ее Ромочка очень ревнив.

Они познакомились в поликлинике. Клава пришла на прием к терапевту. Артур шел по коридору к своему кабинету и привычно мазнул взглядом по женскому лицу, прошел метра четыре и вдруг остановился, осознав: боже, какое лицо у этой женщины! Красивое? Да. Но врач видел много красивых лиц, и, как правило, они его не трогали. А это...

Нет, не просто красивое. В нем есть что-то, не позволяющее пройти мимо. Что-то, заставляющее замереть и обернуться. Артур не сразу понял, что именно его привлекло. Глаза-вишни? Великолепные скулы? Маленький носик? Нежный подбородок? Задорная ямочка на правой щеке? Нет, все не то... Или все то, но в комплексе?

Артур и по прошествии двадцати лет не мог точно сказать, что его так в Клавдии зацепило. Когда мужчина придирчиво ее рассматривал, чтобы это понять, то не находил в ее лице ничего выдающегося. Приятные глазу черты, но не более того. Однако множество прекрасных женщин, с которыми столкнула его судьба за тридцать лет работы в гинекологии, не оставили в его сердце глубокого следа. Даже те, с кем он имел длительные отношения. С Клавой же Артур был близок всего дважды. Причем первый раз прямо в кабинете. Пациентка пришла на плановый осмотр, а он... он не смог с собою совладать.

Несколько дней после первой встречи в коридоре врач пытался забыть ту женщину. Она была с ребенком, значит, замужем. А даже если и нет, то все равно. Зачем ему мамаша сопливого чада? Она не сможет уделить должное внимание ему, Артуру. Мужчина предпочитал бездетных, свободных и, что греха таить, молодых. Ему нравились упругие тела, гладкие лица и не забитые проблемами головы. А у той женщины морщинки на лице (сухая кожа Клавдии начала увядать довольно рано), бедра немного отяжелели после родов, а мозг явно занят кучей проблем, которые нуждаются в решении.

И все же она показалась Артуру самой желанной. Поэтому позже, когда эта женщина оказалась в его кабинете, допустил вольность. А Клавдия его не остановила. Как она потом сказала – не устояла. Захотела секса, потому что давно не имела его. А тут Артур, пусть не красавец, но мужчина в полном расцвете сил.

Они еще раз встретились спустя месяц. Артур накрыл стол у себя дома, зажег свечи, купил розы. Хотел было усыпать их лепестками пол, но потом решил просто поставить цветы в вазу, чтобы не было перебора. Клавдия явилась, отдалась и быстро упорхнула. Секс с ней не был чем-то из ряда вон выходящим, хотя и довольно страстным. Однако Артур не мог после него думать о других женщинах. Он хотел только Клаву.

Но ей было некогда с ним встречаться. То сын хворал, то работа... Однако Клавдия Артура не отпускала. Да и тот не хотел ее отпускать.

И как-то так случилось, что они превратились в вечных... жениха и невесту, что ли. В двух людей, между которыми еще ничего не было.

Артур страстно желал Клавдию, а она как будто забыла, что уже когда-то была с ним близка, причем дважды. Мужчина ухаживал, дарил цветы и подарки, водил ее на премьеры и в гости к друзьям. Но когда подвозил ее к подъезду, она, чмокнув его в щеку, убегала. Артур, разочарованный и страшно злой, срывался с места, ругал себя последними словами и давал зарок больше никогда Клаве не звонить. Но проходили дни, недели, он начинал безумно скучать, его страшно тянуло к ней... Его зависимость от Клавдии была похожа на алкоголизм.

Только вот кодировки от нее не существовало. Поэтому, промаявшись пару месяцев, Артур все же набирал ее номер. И мчался за ней, и вел ее куда-то, и надеялся на что-то... Но Клавдия вновь и вновь убегала, чмокнув его в щеку.

Прошло два года, прежде чем Артур перестал ждать от нее чего-то другого. Смирился с положением доброго друга. А женщина как будто не заметила в нем перемены. Продолжала вести себя точно так же, как раньше. А Артуру почему-то казалось, что, как только он перестанет ее желать, Клава поймет, какого мужчину упустила, и начнет сама к нему приставать. Но не тут-то было.

До встречи с Клавдией Артур собирался жениться. Без любви, просто понимал: пора. Можно, конечно, еще пару годков подождать, да только кандидатура на роль жены очень уж подходящая попалась, такую нельзя упускать. Врач готов был сделать даме предложение. Даже кольцо уже присмотрел. Но тут – встретил Клаву. И все изменилось!

Мужчина так и не женился, хотя всегда мечтал о семье. И Клавдия тут была ни при чем. Нет, в самом начале, конечно, именно она стала причиной того, что Артур так и не сделал предложение той, кольцо для которой присмотрел. Но потом... Потом ему уже не хотелось что-то в своей жизни менять. Артур продолжал думать о семье, но теперь как-то вскользь. Типа, вот если бы у меня была жена, я не питался бы всухомятку. Или: имей я сына, ходил бы с ним на футбол, а одному что-то не хочется. Но в холостяцком существовании все же было больше плюсов, чем минусов. Ни перед кем отчитываться не надо, можно возвращаться, когда вздумается, или вовсе не возвращаться, тратить деньги на свое усмотрение... Ну, и так далее. Да и секса у неженатого мужчины больше, причем разнообразного. По крайней мере у Артура было именно так. Женщины сменяли одна другую, разные по возрасту, типу, темпераменту, и ему нравилось познавать их.

Артур не был красавцем. Симпатичным его тоже было трудно назвать. Невысокий, лысый, с брюшком, он брал не внешностью, а обхождением. К тому же работая гинекологом, имеешь столько возможностей познакомиться с дамой, что грех ими не воспользоваться. Артур их и не упускал. То, что любил он Клаву, не мешало ему вести бурную сексуальную жизнь.

В сорок пять Артур сделал последнюю попытку разорвать всякие отношения с Клавдией. А все из-за ее длинного языка. Зачем-то она рассказала Артуру о мужчине, которым увлеклась. Что это было? Бабская глупость? Несдержанность? Или скрытый садизм? Артур не мог сказать точно. В одном был уверен: надо поставить точку в их отношениях. Какими бы они ни были!

Артур перестал звонить Клаве. Даже когда мучительно хотелось услышать ее голос, держался. Из последних сил. Прошло три месяца. Ему показалось: все, наконец-то переболел. Мужчина почти уже перестал о Клавдии думать и вдруг встретил ее на улице.

Зря говорят, что Москва большой город. Врут, маленький. В нем все со всеми встречаются. Клавдия попала Артуру на глаза в крупном мебельном магазине. Она искала себе диван. Присматривалась, приценивалась, присаживалась. Артур тенью следовал за ней и просто смотрел. Но женщина вскоре почувствовала его взгляд и резко подняла голову. Их глаза встретились. Артур смущенно отвернулся и собрался умчаться прочь, но его остановил голос Клавы:

– Как хорошо, что я тебя встретила!

Секундой позже он почувствовал на своей руке ее руку.

– Ты куда пропал? Я думала, с тобой что-то случилось... Переживала...

– Могла бы позвонить, – обиженно буркнул врач.

– Я же телефона твоего не знаю. Ведь ты всегда сам звонил мне...

Можно было бы сказать, что если бы она на самом деле переживала, то дошла бы до поликлиники, где врач до сих пор работал, и нашла бы его. Но Артур промолчал. Не хотел с Клавой ругаться. И расставаться тоже не хотел. Поскольку вдруг понял, что счастлив лишь от того, что та стоит сейчас рядом, говорит с ним, дотрагивается до него.

«Ну и пусть между нами ничего не будет, – мысленно выдохнул мужчина. – Главное, чтобы она оставалась частью моей жизни...»

С тех пор прошло много лет, и за это время ничего в их отношениях не изменилось. Разве что Клавдия перестала рассказывать Артуру о своих пассиях. А врач уже не мечтал о сексе с ней. Но состариться вместе с Клавой очень хотел. Состариться тихо, уютно, гармонично...

– Налей себе чего-нибудь, – услышал Артур ее голос и встрепнулся. Погрузившись в воспоминания, он забыл о том, что находится рядом с Клавдией.

– Да, выпью, пожалуй...

Мужчина поднялся с дивана и прошествовал к бару. Перед тем как налить себе коньяку, снял с себя полупальто и шарф.

Артур был пижоном. Одежду подбирал тщательно. Любил дорогие, хорошо сидящие на его далеко не безупречной фигуре вещи, сочетающиеся между собой. Например, к этому полупальто из верблюжьей шерсти долго не мог подобрать шарф. Поэтому обходился вовсе без шарфа. Пока Клавдия не преподнесла ему на двадцать третье февраля чудесное шелковое кашне. Артур еще, помнится, подивился, как она умудрилась презентовать ему столь достойную, а главное, нужную вещь. Вкус Клавы оставлял желать лучшего, поэтому все ее подарки были, как правило, нелепы. А тут вдруг такой шик. Он тогда еще подумал, что ей кто-то подсказал. И не ошибся. Впоследствии выяснилось, что шарф ей помогал выбирать Сергей.

– Мне тоже плесни немного, – попросила Клава.

– Я бы на твоём месте воздержался. Сама говорила, давление скачет.

– Ладно, воздержусь, – продемонстрировала удивительную покладистость Клавдия. – Но содовой все же налей.

Артур так и сделал. А со своим стаканом, зажатым в руке, прошёл к окну. Когда он ехал, дождя не было, но сейчас начался.

– До чего же мерзкая погода... – проговорил мужчина со вздохом. Он терпеть не мог осень. – Неудивительно, что тебе нездоровится.

– Мне кажется, я скоро умру, – услышал он и чуть коньяком не поперхнулся.

– Что за глупости? Ты недавно обследование проходила, и у тебя отличные показатели. Да, тахикардия, немного повышен сахар, и зрение уже не то, но все в пределах возрастной нормы. Я даже больше скажу: твоему здоровью каждый второй молодой позавидует.

– Странно, правда?

– Что именно?

– То, что у меня отличные показатели. Я всю жизнь вела нездоровый образ жизни. Курила, выпивала, питалась черт знает как, ночами не спала...

– Гены, – пожал плечами Артур. – Но все же я рекомендовал бы тебе побережись. И отказаться от сигарет и алкоголя.

– И все-таки я скоро умру, – продолжала настаивать на своем Клавдия. Порой она бывала очень упрямой. – Меня пробивает озноб, хотя в помещении тепло. Это холод предчувствия изнутри меня вымораживает.

Она на самом деле мерзла. Клава сначала просто зябко поеживалась, а затем потянулась к шарфу Артура и накинула его на себя. Чтобы согреться, она обычно укутывала шею и ноги. Но ноги ее в данный момент были в тепле. Оставалась шея. Женщина вся была в мурашках.

– Просто ты сегодня неважно себя чувствуешь, – предположил Артур.

– Ай, перестань, дело не в этом, – досадливо отмахнулась Клава. – У меня предчувствие, понимаешь?

Вообще-то Клавдия любила мусолить тему своей смерти. Но никогда Артур не слышал от нее слов о каких-то предчувствиях.

– Тебе сон приснился нехороший? Или что?

– Ничего необычного мне не снилось. Зеркал я не била, а черные кошки держатся от меня на расстоянии. Как и бабы с пустыми ведрами.

– Тогда у тебя нет поводов для беспокойства, – попытался отшутиться Артур. И, залпом допив коньяк, налил себе еще.

– Если завтра не проснусь, знай, ты был очень мне дорог.

– Клава! – с ноткой истерики в голосе воскликнул мужчина.

– Я не боюсь умирать, честно. Ведь там, за гранью, либо ничего... либо свет, где меня ждет Ромочка. Ни то, ни другое не страшно. И все же я не хочу умирать. Пока не готова.

– Если ты будешь продолжать в том же духе, я уйду! – Артуру было невыносимо ее слушать. – Нет, уеду. Даже на празднике урожая присутствовать не буду!

– Ладно, не кипятись, я умолкаю.

– И чтоб больше я не слышал этих разговоров!

– Ой, Артурчик, ты такой милый, когда сердишься... – Клавдия протянула руку и легонько коснулась его щеки. – И вообще, ты чудо. Мне жаль, что я так и не смогла тебя полюбить. А я старалась, поверь.

– Нет, ты действительно сегодня не в себе, – пробормотал мужчина и опять одним махом опорожнил фужер. Глушил многолетней выдержки коньяк, который в обычных условиях смаковал, как какую-нибудь водку.

– Точно, не в себе... – Она откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. – Иначе не призналась бы Сереже в своих чувствах. Знал бы ты, как я жалею о том, что сделала это...

– Что сделала? – Артур резко развернулся к Клавдии. – Призналась в любви?

Женщина лишь вздохнула.

– Ты втюрилась в этого мальчишку?

– Я его полюбила, – поправила Клавдия.

– О, это, конечно, существенно меняет дело!

– Меняет.

– Брось! – Артур метнулся к бару и налил себе третью порцию коньяка, хотя обычно никогда себе этого не позволял.

– Я понимаю, тебе неприятно это услышать. И наверняка обидно... – Клава сморщилась, как будто собираясь заплакать. – Какая же я дура все-таки! Вот зачем распустила язык? Начала с Сережей, теперь с тобой...

– Уж коль так случилось, скажи мне еще кое-что. Почему он?

– А почему я?

Артур понял, о чем она. Клавдия имела в виду, почему сам-то Артур полюбил именно ее, а не какую-нибудь другую женщину. Кстати, себе часто задавал этот вопрос. И, конечно же, так и не нашел на него ответа.

– Вот видишь, – будто бы прочитала его мысли подруга. – Любовь или есть, или ее нет. И, к сожалению, ее не выключишь, как лампочку. Если б я могла... Да и ты, если б мог...

– Я смог!

– Что ты смог? – не поняла Клавдия.

– Выключить ее, как лампочку. Не люблю я тебя больше, Клава. Как друга, да, конечно. Ты родной для меня человек. Но тех пламенных чувств, которые я питал к тебе, давно нет.

Конечно же, он врал. И врал неубедительно. По крайней мере, Клавдия на его ложь не купилась, что было видно по ее лицу. Но Артуру стало так больно и обидно, что он не мог пойти на попятную. Он захотел, чтоб Клава испытала то же, что и он. Хотя бы частично.

– Я увлечен другой женщиной! – выпалил Артур. – Не могу пока сказать, что люблю ее, но она до безумия мне нравится.

На сей раз Клавдию проняло. Лицо посуровело, глаза стали колючими. И пусть она никогда не любила Артура, все равно ей было неприятно слышать о том, что ему нравится дру-

гая. Клавдия собственница. Как, пожалуй, все женщины. Она привыкла видеть Артура своим рабом, накрепко скованным кандалами своих чувств к ней. И вдруг оказалось, что узы рассыпались в прах. Разве не обидно?

– Кто она? – хрипло спросила Клавдия.

Долго раздумывать было нельзя. Протяни Артур паузу, подруга заподозрила бы неладное. Поэтому пришлось выпалить первое имя, пришедшее на ум.

– Даша.

На самом деле Клавина приятельница Артуру совсем не нравилась. Именно он прозвал ее приживалкой.

– И ты туда же... – выдавила Клавдия непонятную фразу и отвернулась от него.

– Куда – туда?

– Неважно, – отмахнулась женщина, не глядя на Артура.

– Надеюсь, это никак не омрачит наши отношения?

– Да с чего бы? – пожала плечами Клавдия. – Только ты опять выбрал не того человека.

– В этом мы с тобой похожи.

Она ничего не сказала. Погрузилась в свои думы и, казалось, перестала замечать собеседника. Артур допил коньяк без всякого удовольствия, жалея о сказанном. Не надо было с Клавдией так. Вон какая грустная сидит. Смотреть больно.

Мужчина был уже готов взять свои слова назад, но тут взгляд его упал на документ, лежащий на столике. Завещание! Прищурившись, Артур пробежал по нему глазами. «Я, Сухова Клавдия Федосовна, завещаю все свое движимое и недвижимое имущество Сергею Петровичу Глазову...»

Прочтя это, Артур едва сдержался, чтобы не заорать на Клавдию. Как она могла завещать все, что нажил ее сын, тому, кого тот терпеть не мог? Да и с какой стати? Здоровый молодой мужик! Пусть сам зарабатывает! Потом Артур вспомнил, что Клавдия поговаривала о том, что, раз у нее никого не осталось из родни, неплохо было бы завещать все детскому дому или больнице. И что в итоге? Имущество и деньги получит молодой альфонс? Да лучше бы тогда Райке оставила. Та пусть и седьмая вода на киселе, а все ж родственница...

– Наверное, спать хочешь? – услышал Артур голос Клавдии. – Ты иди, а я тут еще немного посижу...

Она гнала его! Не хотела видеть! И в кои-то веки это чувство было взаимным. Артур встал и зашагал к двери. Надо было хотя бы «спокойной ночи» пожелать, но он побоялся раскрывать рот. Если откроет, не удержится от того, чтобы высказать Клаве все, что думает о ней.

Мужчина вышел из гостиной, в сердцах хлопнув дверью. Если бы не три порции коньяка, покинул бы, наверное, не только гостиную, но и дом. Уехал бы в Москву и... И не вернулся бы больше!

Да, он продолжал любить Клавдию, однако... разочаровался в ней.

Артур взбежал по лестнице на второй этаж. Возмущение продолжало klokотать в нем, поэтому он и двигался очень энергично. В обычном же состоянии ходил неспешно, с достоинством неся свое полноватое тело.

Комната, в которой ночевал Артур, когда приезжал к Клаве в гости, была небольшой, но очень уютной. Он облюбовал ее в первый же визит сюда. Ему понравилась обивка стен, удобство и простота мебели и окно на скошенном потолке, в которое, лежа на кровати, можно было видеть небо. Летом мужчина даже умудрялся загадывать желание, замечая падающие звезды.

Артур плюхнулся на кровать и посмотрел в окно – на пасмурном небе ни звездочки. Полежав некоторое время, взял пульт и включил телевизор. Под его бормотание ему хорошо засыпалось, а сейчас хотелось именно этого.

Листая каналы, Артур думал о Клавде и... о Сергее. Она всегда говорила, что между ними ничего нет. И он ей верил! Но теперь Артур сомневался в честности Клавды. Наверняка та занималась с Сергеем сексом. А почему нет? Кто сказал, что в преклонном возрасте ничего такого не хочется? Клавдия душой молода. Да и телом не дряхлая старуха. Выходит, в то время, когда сам он мечтал о тихой старости подле Клавдии, любимая женщина предавалась плотским утехам с тридцатилетним самцом.

Обида накатила новой волной. Артур сжал пульт и начал с силой давить на кнопки. Вообще-то он хорошо умел владеть собой, но сейчас еле сдерживался. Хотелось разбить что-нибудь. Пульт, например.

Однако Артур сдержался. Найдя передачу о новинках медицины, отложил дистанционку и постарался сосредоточиться на просмотре. Но не получилось! Отвлекали одни и те же мысли. В итоге, когда передача закончилась, он не смог вспомнить ни одного ее сюжета.

– Нет, я так не могу! – простонал мужчина. – Я должен все выяснить и... И поставить точку!

Решительно встав с кровати, Артур заторопился к выходу, надеясь застать Клавдию в гостинной.

Часть вторая

День первый

Глава 1

Даша вышла из своей комнаты и огляделась. В коридоре никого. Но откуда тогда раздаются звуки?

Она лежала в кровати, подремывала перед полным пробуждением и тут услышала крик. Пронзительный женский крик, разорвавший утреннюю тишину. Этот крик заставил Дарью вскочить и броситься к двери из спальни. Приоткрыв ее, она прислушалась. Тишина.

Даша уже собралась вернуться в кровать, решив, что крик ей приснился, как до ушей донеслись другие звуки... похожие на тихий скрежет. Если б в доме водились мыши, Даша подумала бы, что это серые хвостатые зверьки царапают где-то пол коготками.

Она решительно вышла в коридор, обозрела пространство. Пусто...

Но звук продолжал раздражать барабанные перепонки. Стало немного не по себе.

– Кто тут? – крикнула она.

Не получив ответа, двинулась по коридору в сторону холла. Завернув за поворот, едва не упала, налетев на сидящую на полу Раису.

– Эй, ты чего... тут?

Девушка как будто и не слышала. Запрокинув голову, беззвучно плакала и с силой драла ногтями ворс ковра. Так вот откуда неприятный звук... Даша давно заметила, что Раиса, когда волнуется, совершает руками какие-либо движения. Обычно теребит что-то – пуговицу, свои волосы, фантик от съеденной конфетки. Чем больше нервничает, тем суетливее становятся движения ее рук. Как-то Даша наблюдала за тем, как Рая быстро-быстро рвала на мелкие кусочки журнальную обложку, совсем не замечая, что делает. Теперь ей под руки попался ковер с длинным ворсом. Будь он качеством похуже, на нем уже образовалась бы плешь. Но ковер был отличным, дорогим, поэтому выдрать из него получилось всего несколько ворсинок.

– Рая, это ты кричала? – спросила Дарья, присев рядом с девушкой на корточки.

Наконец ее услышав, та повернула к ней зареванное лицо и кивнула.

– Что случилось?

– Я зашла в гостиную, чтобы убрать... а там она...

– Кто?

– Клавдия... – И, снова зажмурившись, девушка добавила: – Мертвая...

– Что?

– Лежит на полу, в потолок пустыми глазами смотрит...

Дарья резко вскочила на ноги и бросилась к гостиной.

– Кто кричал? – послышалось с винтовой лестницы, ведущей на второй этаж.

Дарья не ответила. Даже не поняла, кто задал ей этот вопрос. Голос был мужской, но чей именно, она не разобрала.

Дверь в гостиную была открыта. Возле нее валялись ведро, из которого на пол вылилась пенная вода, швабра и губка. Перешагнув через брошенные горничной орудия труда, Даша вошла в помещение.

Клавдия лежала на полу и смотрела в потолок пустыми глазами. Райка все описала верно. Только забыла упомянуть о том, что шея женщины вся в синяках. Они окольцовывали ее, точно ошейник. Когда Даша отдыхала в Камбодже, ей довелось видеть человека, задушенного змеей. На его шее были похожие синяки.

Едва она вспомнила об этом, как ей почудилась змея... которая отползала от Клавдии, извиваясь всем своим длинным телом в ярких крапинах... Но это оказался всего лишь шарф, брошенный на пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.